

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

**НИК
ФАБЕР**

**ТАНЕЦ
СТАЛИ В ПУСТОТЕ**

ОГОНЬ И ОТВАГА

Новый фантастический боевик (Эксмо)

Ник Фабер

**Танец стали в пустоте.
Том 1. Огонь и отвага**

«Эксмо»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Фабер Н.

Танец стали в пустоте. Том 1. Огонь и отвага / Н. Фабер —
«Эксмо», 2021 — (Новый фантастический боевик (Эксмо))

ISBN 978-5-04-118408-7

Холодная война между звездными государствами обостряется. В космосе пропадают торговые суда. Чтобы защитить груз, влиятельный планетарный губернатор нанимает частную военную организацию, которая укрепит его личный флот и защитит гражданские суда от космических пиратов. Такой был план... Пока из-за внутренних разногласий и политических интриг ситуация не вышла из-под контроля, сверкая искрами и разлетаясь в космосе на тысячи осколков.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118408-7

© Фабер Н., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава первая	18
Глава вторая	26
Глава третья	29
Глава четвертая	35
Глава пятая	40
Глава шестая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ник Фабер
Танец стали в пустоте.
Том 1. Огонь и отвага

© Фабер Н., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Пролог

**Звёздная система Союза Независимых Планет Абрегадо.
Корабль военно-космического флота Вердена, эсминец «Трафальгар».
17 февраля 784 года после эры колонизации**

Эндрю Карсон с наслаждением потянулся. Несмотря на все удобства, которые предоставляло кресло командира эминца, всё тело его затекло. Его подчинённые также время от времени разминали затёкшие конечности, и всё же ни один из них не отрывал взгляда от экранов своих боевых постов.

Молодой капитан коротко взглянул на один из своих дисплеев и, немного подумав, нажал клавишу на подлокотнике. Он ещё не успел отпустить кнопку, как из встроенных в кресло динамиков раздался спокойный голос:

– Да, капитан?

– Парсон, распорядитесь, чтобы на мостик доставили свежий кофе и что-нибудь поесть для вахтенной смены.

– Да, сэр. Из еды что-нибудь лёгкое?

– На твоё усмотрение.

– Хорошо, капитан. Буду у вас через десять минут.

Вахтенные переглянулись – на лицах некоторых из них мелькнула улыбка. Свежий кофе и бутерброды будут как нельзя кстати, чтобы подкрепить силы уже довольно уставшего экипажа. Заметив эту реакцию, Эндрю усмехнулся себе в бороду. Он отпустил её сразу же после того, как стал капитаном своего первого корабля. Ему порядком осточертело, что при каждом сборе их боевой группы к нему относились как к сопляку, и борода выгодно старила его на фоне остальных. А ещё ему нравилось, как он с ней выглядит.

Вновь откинувшись в кресле, Эндрю обратился к вахтенному офицеру тактической секции:

– Жанна? Как там наш «друг»?

– По-прежнему, капитан. Вышел из прыжка три часа и восемнадцать минут назад. Довольно коряво вышел, кстати. Выброс энергии при выходе был по крайней мере на одиннадцать и семь десятых процента сильнее, чем положено для кораблей класса «Либерти». Правда, они всё ещё в пределах рабочего диапазона. Плюс он чудовищно излучает в инфракрасном диапазоне. Такое ощущение, будто у него отсутствует хоть какая-то термомаскировка.

– Может, утечка энергии в мотиваторе гипергенераторов?

– Вполне возможно, сэр! – Миниатюрная брюнетка пожала плечами. – Это бы объяснило перерасход энергии на выходе из прыжка.

Молодой капитан потёр через бороду подбородок.

– Он всё ещё идёт к Абрегадо-три?

– Да, сэр. С момента выхода из прыжка контакт набирает скорость с постоянным ускорением в пятьдесят «жэ». Гиперграница системы удалена от звезды на двадцать две световые минуты. И в данный момент планета СНП находится по ту сторону звезды, в восьми световых минутах от светила, а это даёт дистанцию почти в половину светового часа.

Девушка отдала несколько команд, и на общем экране появилась схематическая карта системы, с обозначением траекторий двух кораблей.

– При нынешнем ускорении ему потребуется почти тридцать шесть часов, если, конечно, они не перейдут на полёт по баллистике, чтобы достигнуть точки поворота, затем ещё столько же для последующего торможения и выхода к планете с нулевой скоростью.

Эндрю кивнул, соглашаясь с её словами. Он думал точно так же. Чуть больше семидесяти часов, и корабль, который во всех реестрах Верденского флота числится погибшим тринадцать лет назад, а на самом деле принадлежит одной из местных пиратских группировок, прибудет в порт одного из миров Союза Независимых Планет. А ведь это государственное образование официально заявляет о своём враждебном отношении к так называемым свободным каперам.

Карсон усмехнулся.

– Проверьте показания ещё раз. Мы сейчас не можем ошибиться.

Тактик и его помощник удивлённо посмотрели на него. Это был уже третий приказ о подобной проверке за последнюю пару часов. Увидев на лице капитана хмурое выражение, лейтенант Жанна Эвельсмейн кивнула и вновь склонилась над экранами своего терминала.

«Трафальгар» медленно плыл в безбрежной космической пустоте в режиме полного радиомолчания. Почти все его системы, которые могли своим излучением выдать корабль, были обесточены и отключены. Даже основной маршевый двигатель работал на самой минимальной мощности, для того чтобы уменьшить энергетический выброс и излучение частиц Черенкова. Хотя особой необходимости в этих ухищрениях не было.

«Акреция» – старое грузовое судно класса «Либерти», а по сути самоходная космическая баржа, – имела впечатляющие размеры. При массе покоя почти в восемьсот тысяч тонн, она была одним из самых крупных грузовых кораблей. Суда этого класса были столь удачно сконструированы, что полтора столетия назад их можно было встретить на всех торговых маршрутах освоенного космоса. И хотя на смену устаревшим «Либерти» давно пришли более грузоподъемные торговые суда, «Акреция» превосходила своей массой эсминцы под командованием Эндрю Карсона более чем в шесть с половиной раз.

Впрочем, на этом её превосходство и заканчивалось. Если вдруг шкиперу «Акреции» придёт в голову заартачиться и дело дойдёт до прямого столкновения, то оно будет больше всего похоже на схватку слона с человеком в полностью снаряжённом штурмовом доспехе. Эсминцы мог развить ускорение на сто пятьдесят g больше, чем его цель, и, соответственно, был несоизмеримо быстрее и манёвреннее, а богатый выбор наступательного и защитного вооружения делал его крайне опасным противником. Особенно если враг даже не подозревает о его существовании. Так что по большому счёту почти все меры, принятые экипажем «Трафальгара», были скорее учебными, нежели необходимыми. Всё же возможность отработать перехват враждебной цели в реальном космосе, а не на тренажёрах, вне рамок обычных флотских учений, выпадает не так уж и часто.

– Сэр, мощность излучения двигателей и ускорение позволяют определить примерный тоннаж судна. Если показания верны, то оно равняется плюс-минус восемьсот пятьдесят – восемьсот шестьдесят тысяч тонн. Плюс-минус. Да и само излучение двигателя также соответствует двигателям, которые монтировались на «Либерти».

– Ты сказала, более восьмисот пятидесяти?.. Это больше их изначальной расчётной массы... – откликнулся Эндрю, задумчиво глядя на один из дисплеев, которые окружали капитанское кресло.

На нём «Акреция» была обозначена двумя отметками. Они располагались на векторной проекции курса и, несмотря на то что шли одна за другой на небольшом расстоянии, обозначали одно и то же судно. Самоходная баржа приближалась к Абрегадо-3, выйдя из прыжка вне плоскости эклиптики и находясь на расстоянии почти пятнадцати световых минут. «Трафальгар» занимал позицию по эту сторону светила, ближе к центру системы, и находился гораздо глубже гиперграницы. Судно, которое было его целью, неумолимо приближалось к планете, одновременно сокращая расстояние до затаившегося в засаде эсминца. По плану капитана Карсона, «Трафальгар» должен был лечь в дрейф и дожидаться появления своей жертвы, после чего взять её на бордаж... или просто уничтожить, если подтвердится связь экипажа судна с пиратами, а его капитан будет, скажем так, «недостаточно вежлив».

Правда, один корабль не способен эффективно пикетировать всю звёздную систему, так как в единый момент времени он мог находиться лишь в одном месте. Для подобных целей обычно выделялась минимум половина эскадры или хотя бы два дивизиона, по два корабля в каждом. С такими силами ещё можно было бы отслеживать перемещение цели по всей системе, но и только. Задача Эндрю Карсона и его экипажа облегчалась тем, что разведуправление флота предоставило ему предполагаемый вектор и время прибытия этого предположительно пиратского судна. Но даже при наличии этих данных один эсминец не мог прикрыть всю систему, ибо точка появления цели могла находиться где угодно, а у её капитана был огромный выбор траектории подхода к единственной обитаемой планете.

И именно по этой причине корабль Верденского космического флота затаился в глубине звёздной системы, подобно хищной рыбе, которая прячется в водорослях у самого дна, в ожидании своей жертвы. А глазами ему служили шесть автономных сенсорных платформ, которые он заранее разместил на краю системы. Сейчас данные поступали сразу от двух из них. Этим и объяснялась двойная отметка на локаторе. Из-за того, что судно, за которым они следили, находилось от них на расстоянии почти в пятнадцать световых минут, а скорость передачи данных была ограничена скоростью света, проходило почти полчаса, прежде чем системы связи «Трафальгара» получали информацию. Первая отметка обозначала позицию корабля на момент снятия показаний сенсорными системами, а вторая,двигающаяся чуть впереди, показывала местоположение с учётом временной задержки. Лишь когда «предположительно» пиратское судно подойдёт на дистанцию в десять световых минут, платформы смогут следить за ним практически в реальном масштабе времени благодаря детекторам частиц Черенкова, которые были единственным известным человечеству рукотворным феноменом, способным распространяться быстрее скорости света.

– Да, сэр! – откликнулась Жанна. – Отличие от расчётных характеристик составляет почти шестьдесят тысяч тонн. Я знаю, что это почти на семь процентов больше проектного тоннажа судов этого класса, но пиратские корабли нередко подвергаются модификациям, которые могут очень сильно изменить показания. Я вообще удивлена, что его профиль так слабо изменился. Скорее всего, они увеличили его грузовместимость за счёт навесных грузовых контейнеров или чего-нибудь подобного.

– Но-но, Жанна, – улыбнулся Карсон. – Мы ещё не уверены на сто процентов, что это судно принадлежит именно пиратам, так что не будем делать поспешных выводов. В конце концов, это вполне себе может оказаться один из множества незарегистрированных частных.

Тактик взглянула на него, скептически приподняв бровь. Эндрю усмехнулся и только покачал головой.

В этот момент на мостике появились два стюарда, которые принесли контейнеры с бутербродами и небольшие индивидуальные пластиковые термосы с кофе. На борту «Трафальгара» пользовались обыкновенной посудой, но в обычной ситуации капитан и не позволил бы вахтенным подкрепляться на посту – любая жидкость могла попасть на мостик боевого корабля лишь в герметично закрытом сосуде. Это предотвращало распространение жидкости в виде капель в отсеках, до отказа набитых электроникой, в случае отказа систем искусственной гравитации.

Поблагодарив стюарда, Эндрю взял у него термос, откинул крышку, потянул через специальную трубку горячий кофе. Капитан в который раз с удовольствием отметил, что напиток был приготовлен именно так, как он любил: кофе без кофеина, сливки и много сахара. И что самое удивительное, Карсон никогда не говорил главному коку, какой именно кофе предпочитает. Что же, видимо, это было очередной неразгаданной загадкой Вселенной...

Вахта тянулась медленно. Ужасно медленно. Охотничий азарт, охвативший офицеров в самом начале, когда цель появилась в поле зрения локаторов, начал постепенно сходить на нет. В обычной боевой обстановке мостик был бы весь пропитан запахом стресса, возможно, с

небольшой примесью страха. И хотя задание считалось боевым, по сути, они сидели в засаде, час за часом наблюдая, как беспомощная жертва всё глубже засовывает голову в капкан. Но даже командира это начало утомлять. Одна команда вахтенных офицеров сменила другую, чтобы люди могли отдохнуть и поесть нормальной горячей пищи, а он всё продолжал сидеть на мостике, прокручивая одну ситуацию за другой на программах симулятора.

Сначала капитан «Трафальгара» хотел занять позицию ближе к окраине гиперграницы, чтобы как можно быстрее вступить с целью в контакт, но для него, как и для всего экипажа, это был первый одиночный патрульный поход. И Эндрю Карсон хотел дать своим людям как можно больше времени для подготовки. Ещё немного понаблюдав за размеренной работой своих офицеров, капитан поднялся с кресла.

– Лейтенант-коммандер Стивенс, мостик ваш, – произнёс он, направляясь к выходу.

Молодой офицер, который до этого неотрывно наблюдал за телеметрией с разведывательных беспилотников, вытянулся по стойке смирно.

– Мостик принял, капитан!

– Вот и славно, Джерри. Я буду у себя. Вызовите меня, если что-то случится. Продолжайте следить за мерзавцем. Если он хоть на пару градусов отклонится от курса, сразу сообщите мне. А если ничего не произойдёт, сообщите, когда он будет подходить к точке поворота.

– Да, сэр.

Капитан «Трафальгара» покинул мостик, а его кресло занял старший помощник. Одним из плюсов, но в то же время и недостатков эсминца, было то, что с целью экономии пространства каюту капитана расположили неподалеку от командного центра. Эндрю было достаточно покинуть мостик, миновать массивные взрывостойкие двери, пройти два поворота коридора, чтобы добраться до своей каюты. Оказавшись внутри, он снял китель, повесил его на спинку кресла у стола с терминалом и с удовольствием вытянулся на кровати. Всё же добровольная вахта почти в пятнадцать часов выматывала. А он-то наивно полагал, что, когда получит наконец звание коммандера и возможность командовать собственным кораблём, служба станет легче. Как бы не так... Легче не стало, но стало... интереснее.

Улыбнувшись собственным мыслям, Эндрю Карсон даже не заметил, как заснул...

* * *

– Капитана срочно вызывают на мостик! Повторяю. Капитана срочно вызывают на мостик!

Можно было не повторять. Эндрю уже вскочил с кровати и, подхватив китель, выбежал в коридор, одеваясь прямо на ходу. У бронированных дверей, ведущих на мостик, он остановился, чтобы застегнуть форму и пригладить волосы. Карсон уже давно взял себе за правило появляться перед экипажем исключительно в подобающем виде.

Войдя на мостик, он вновь увидел, что предыдущая вахта, которая уже успела отдохнуть, вновь заняла свои посты.

– Лейтенант-коммандер, мостик мой.

– Мостик ваш, капитан.

– Джерри, докладывай.

Молодой офицер уступил кресло капитану и указал на мониторы:

– Сэр, цель, предположительно опознанная нами как вольное торговое судно «Акреция», подошла к точке разворота и совершит его через двадцать пять минут или около того, начав процесс торможения. Они находятся от нас на расстоянии в пять целых и две десятых световой минуты по курсу ноль-один-ноль на ноль-два-один и сокращают дистанцию. Мы следим за ними по детекторам Черенкова.

– Мы окажемся у них прямо по курсу... – пробормотал Эндрю, больше для себя самого, чем для кого бы то ни было.

Но чуткий слух старшего помощника уловил его слова.

– Да, капитан, – сказал он и сверился с хронометром на одном из дисплеев. – Мы начали набирать ускорение примерно два часа и пятнадцать минут назад.

– Ладно, Джерри. Действуем, как и планировали. Меняем курс на параллельный. Как только они совершат разворот, прикажем им не менять вектор движения, а сами продолжим наращивать ускорение. Когда они будут проходить мимо нас, сбросим призовую команду в штурмовых ботах. Рассчитайте наше ускорение таким образом, чтобы во время встречи у нас было достаточно времени на абордажную операцию.

– Окно будет довольно маленькое, сэр, – заметил Стивенс, сверясь с показаниями на одном из экранов.

В принципе старпом был прав. «Акреция» набрала скорость почти в пятьдесят четыре тысячи километров в секунду. Иными словами, она была близка к пределу реверсивного импульса для двигателя Кобояши – Черенкова, установленного на судах такого тоннажа. Но всё равно скорость была огромной. «Трафальгар» двигался сейчас относительно с небольшой скоростью – всего четыре тысячи четыреста километров в секунду и постоянно набирал ускорение. Тем не менее двигатели эсминца были почти в четыре с половиной раза мощнее и уже начали ускоряться, что позволит боевому кораблю почти сравняться в скорости с целью в момент её прохода рядом с ним.

– Ну не такое уж оно и маленькое, а Сергеева, кажется, хвасталась, что у неё чуть ли не самые лучшие пилоты штурмовых катеров во всей нашей боевой группе.

Старший помощник улыбнулся. И действительно, Елена, ответственная за работу малых судов, была, мягко говоря, женщиной чересчур агрессивной. Она нещадно гоняла своих людей на тренажёрах, чтобы добиться от них максимального результата.

– В этом вы правы, шкипер. Она будет рада лишний раз продемонстрировать навыки своих ребят.

Оба офицера продолжили обсуждение предстоящего захвата пиратского судна.

– Сэр, «Акреция» только что совершила поворот и теперь идёт с отрицательным ускорением, – сообщила тактик через двадцать шесть минут.

Карсон кивнул ей и повернулся к старпому:

– Ну вот и момент истины, господа. Джерри, объявите боевую тревогу по кораблю.

– Да, капитан!

Лейтенант-коммандер прошёл к своему месту и отдал нужные команды. По всем отсекам разнеслись удары колоколов громкого боя. Экипаж начал готовиться к боевой ситуации, хотя и знал, что как таковой опасности не было. Их целью являлось старое гражданское торговое судно.

– Капитан, тревога объявлена.

– Отлично, Джерри. Пригляди за мостиком, а я надену скафандр.

Получив столь неуставную команду, старший помощник улыбнулся и занял место капитана на время, которое тому было нужно, чтобы облачиться в стандартный контактный скафандр. Лёгкие, герметичные комбинезоны, выполненные тем не менее из очень крепких материалов, не стесняли движений, но позволяли выжить в случае повреждения и разгерметизации корпуса. Также они были оснащены системами связи и передачи данных, чтобы люди в них могли оставаться на связи, даже в условиях открытого космоса. На спине размещался компактный модуль системы жизнеобеспечения, обеспечивающий выживание в вакууме в течение примерно шестидесяти минут. Хотя мостик эсминца, как и на других кораблях, располагался глубоко внутри корпуса, что гарантировало вахтенным высокую степень безопасности.

Высокую, но не абсолютную. В столь враждебной среде, какой был открытый космос, ничто не гарантировало совершенной защищённости.

Вернувшись на мостик и вновь приняв командование, Эндрю Карсон повесил так и ненадетый шлем на подлокотник кресла и повернулся к секции связи:

– Дайте мне связь с этим судном.

– Да, сэр, канал открыт для передачи. Готовы к записи сообщения.

Немного поведя плечами и постаравшись выглядеть на экране внушительней, Эндрю посмотрел в объектив камеры, закреплённой на одном из мониторов перед ним.

– Внимание, неопознанное гражданское судно. С вами говорит капитан эсминца Верденского космического флота «Трафальгар» Эндрю Карсон. Моё судно отвечает за безопасность судоходства в этой системе. Приказываю вам не менять ускорение и курс и приготовиться к принятию на борт досмотровой команды.

Закончив, он посмотрел на девушку, так же как и он затянутую в плотно облегающий контактный скафандр.

– Сэр, сообщение ушло. Задержка связи будет составлять от десяти до двенадцати минут в зависимости от скорости их ответа.

– Замечательно... Рулевой, выводите нас на параллельный курс. Полное ускорение и сближение с целью.

Услышав отданный приказ, парень немного замешкался.

– У вас вопрос, Мансун?

– Да, сэр! Простите, сэр, вы сказали, полное ускорение?

– В пределах допуска, младший лейтенант.

Парень облизнул губы и вернулся к своему терминалу.

Эндрю скрыл улыбку. Он прекрасно понимал, почему его приказ произвёл такое впечатление. Всё очень просто. Никто не ходит с полным ускорением, которое только можно выжать из двигателей. Никогда. За исключением ситуаций, во время которых на кон ставится всё. А причина – в инерционном компенсаторе. Будучи прямым развитием технологии искусственной гравитации, он позволил кораблям развивать колоссальное ускорение. На самом деле они могли делать это и раньше, вот только был один фактор, который не позволял использовать мощь созданных двигателей на полную. Человеческий фактор.

Тренированное человеческое тело способно выдерживать определённые нагрузки, но только строго определённое количество времени. До создания компенсаторов максимальным безопасным ускорением, которое мог развить корабль без вреда для своего экипажа, было ускорение от трёх до пяти g. В экстренных ситуациях можно было повысить его до десяти или двенадцати, но только на очень короткий промежуток времени. Создание технологии инерционного компенсатора позволило кораблям набирать ускорение в сотни раз больше. К примеру – максимальное ускорение «Трафальгара» при массе почти в сто тридцать тысяч тонн, составляло двести тридцать g. При таком ускорении ни один из членов экипажа не прожил бы и долю секунды. Но главная опасность была не в этом.

Инерционные компенсаторы нагло играли с законами физики, создавая тем самым статичное гравитационно-инерционное поле, пределы которого заканчивались в двух метрах за корпусом корабля. Оно нейтрализовывало для экипажа негативные последствия линейного ускорения. Если быть точным, то при его использовании создавалось впечатление, будто сам корабль стоит на месте, несмотря на мощнейшее ускорение, сообщаемое ему двигателями. Самым страшным, что могло случиться, был критический отказ компенсатора во время полёта. Тогда всё набранное кораблём ускорение, без нейтрализующего его влияния компенсатора, одномоментно передавалось всему, что было на его борту, в том числе и экипажу, который через мимолётное мгновение размазывало тонким, нежным фаршем по переборкам корабля.

По этой причине гражданские корабли не использовали возможностей компенсатора больше, чем на семьдесят процентов. Для военных кораблей этот стандарт был несколько выше за счёт большей надёжности и множества дублирующих систем и составлял восемьдесят пять процентов мощности. С другой стороны, случаи отказа компенсаторов в современной истории были очень редким явлением. Например – за всё время существования Верденского космического флота было всего два случая отказа системы. С другой стороны, об этих случаях некому было рассказать, потому что никто не выживал, и судно оставалось блуждать в космической пустоте, превращаясь в корабль-призрак. Поэтому несмотря на столь редкие «известные случаи» поломок компенсаторов, никто не хотел сбрасывать со счетов возможность «ошибки выжившего».

Минуты тянулись в томительном ожидании. Карсон незаметно для себя самого принялся отбивать пальцами незамысловатый ритм по подлокотнику.

– Есть ли ответ?

– Нет, сэр. Цель всё ещё молчит.

Эндрю нахмурился. Уже прошло почти двадцать минут с момента отправки сообщения.

– Отправьте его снова.

– Да, сэр. Сообщение ушло повторно.

Карсон постарался расслабиться настолько, насколько это было возможно. Несмотря на то что непосредственной опасности не было, на мостике стало расти напряжение. Для многих в экипаже это был первый поход в отрыве от их основной боевой группы, и ситуация, в которой гражданское судно отказывается отвечать на запрос военного корабля, не имея при этом возможности уклониться от встречи с ним, мягко говоря, заставляла всех немного нервничать. А возможности избежать встречи с «Трафальгаром» у «Акреции» не было никакой. Несмотря на то что предположительно «торговое судно» имело в данный момент гораздо большую скорость, нежели эсминец, эта скорость могла оказаться ловушкой для развившего её судна.

А Эндрю Карсон не любил нервничать.

– Осветите его радарами и лидарами систем наведения. Приготовиться к записи сообщения.

– Есть осветить цель, сэр, – моментально ответила девушка. – К записи готова.

– Внимание, «Акреция», с вами говорит капитан Верденского эсминца «Трафальгар» Эндрю Карсон. Требую немедленно ответить! – Он повернулся к тактику: – Отправить сообщение.

Жанна набрала нужные команды на своей панели.

– Сэр, сообщение отправлено.

– Хорошо! Что с показаниями?

– Пошла засветка системами наведения. Мы, конечно, ещё слишком далеко для открытия прицельного огня, но они заметят излучение наших систем наведения через четыре минуты. В данный момент мы наблюдаем за ними через детекторы излучения Черенкова и в инфракрасном диапазоне.

– Хорошо. Ждём.

И они ждали.

А «Трафальгар» тем временем наращивал скорость на два и два километра в секунду. Ситуацию, в которой оказалось предположительно гражданское судно, иначе как катастрофическим назвать было нельзя. Из-за уже набранной скорости оно не способно было резко изменить свой курс. А мощности двигателей эсминца было более чем достаточно, чтобы подстроиться под любой манёвр «Акреции». И когда она войдёт в радиус поражения ракетами – что случится уже через сорок минут – «Трафальгар» её из него уже не выпустит.

Хотя теоретически Карсон мог открыть огонь уже сейчас. Правда, часть расстояния ракетам придётся преодолеть по баллистической траектории, с выключенными после старта двига-

телями, включив их лишь при подлёте к цели, чтобы сманеврировать и выйти на вектор атаки. Однако этот вариант не устраивал капитана по многим причинам.

Во-первых, на таком расстоянии невозможно хоть сколь-нибудь управлять системами наведения ракет – задержка связи сделает бесполезными любые команды, которые будут посланы тактиками. Это означало, что им придётся загрузить программу атаки в ракеты перед стартом, и после прохода по баллистической траектории те будут использовать уже заранее составленные планы, не имея возможности самостоятельного маневрирования. Будь цель военным судном, эффективность такой атаки могла быть сведена на нет его защитными системами. К счастью, «Акреция» была обычным, хотя и модифицированным транспортником. У подобного судна не было каких-либо защитных систем, способных оказывать постоянное активное и пассивное противодействие приближающимся ракетам.

Во-вторых, из-за очень мощного излучения ракетных двигателей противник сможет заранее их засечь и скорректировать свой курс в сторону от баллистической траектории полёта ракет, оказавшись уже в другом месте. Этого будет достаточно, чтобы увернуться от атаки и сделать её бессмысленной. По этой причине боевые столкновения в космосе редко проходят на дистанции более чем в одну световую минуту. До этого момента участники будущей схватки сближаются друг с другом, стараясь как можно лучше подготовить «поле» для будущего сражения. Сама тактика сражений в космосе больше напоминала шахматную партию, в которой игроки долго и упорно расставляют фигуры по доске, выгадывая место и время, прежде чем нанести удар.

– Сэр, ответа всё ещё нет. Дистанция до «Акреции» четыре световые минуты.

– Они что, идиоты?

От такой реплики старший помощник опешил и повернул голову к капитану:

– Сэр?

– Джерри, они у нас в руках. И они это знают. Как только они подойдут к нам на десять миллионов кликов, мы сможем разнести их посудину вдребезги и даже не вспотеем. Так какого чёрта они молчат?

– Я... я не знаю, капитан. Может, они уверены, что смогут избежать встречи и...

– Изменение параметров цели! Они поменяли курс на обратный и дали максимальное ускорение... Сэр! Они идут прямо на нас!

Эндрю изумленно уставился на свой монитор. «Акреция» действительно вновь повернулась на сто восемьдесят градусов и теперь шла прямо на «Трафальгар» с максимально доступным ей ускорением в пятьдесят g. Старпом тоже не понимал логику действий капитана грузового корабля.

– Может, они хотят постараться проскочить мимо нас на максимальном ускорении, в надежде, что скорость позволит им в случае чего увернуться от нашего огня... – предположил старпом.

– Джерри, даже я не поставил бы на это. А ты знаешь, как щепетильно я отношусь к объекту своих ставок.

– Ну, тогда, как вы сказали, они и правда идиоты.

Цель продолжала ускоряться ещё на протяжении двадцати минут, всё так же не отвечая на сообщения. Эта ситуация действовала молодому капитану на нервы. Он даже не сразу осознал следующее сообщение:

– Ракеты! Фиксирую старт ракет с цели! Одна, две... пять! К нам идёт пять птичек.

Да что это за бред! Расстояние между двумя кораблями составляло почти семьдесят восемь миллионов километров. Абсурдная дистанция для стрельбы. Даже с учётом скорости запущенных ракет корабля.

Основным ракетным вооружением «Трафальгара» были ракеты «Марк-XI. «Василиск». Из состояния покоя они могли моментально, за счёт своих двигателей, развить максимальное

ускорение более чем в десять тысяч g, что дало бы им прирост в скорости в девяносто восемь километров в секунду. В таком режиме их полётное время составило бы всего сто восемьдесят секунд, что в итоге позволило бы им пройти чуть больше восьми с половиной миллионов километров до момента выгорания двигателя. Но обычно ракетам выставляли ускорение в половину этих показателей, что увеличивало полётное время практически в три раза, из-за того что на максимальном ускорении двигатели ракеты слишком быстро расходовали запасы энергетических накопителей. Это давало дистанцию стрельбы в одну с половиной световую минуту. Пуск и точность стрельбы из-за задержки в связи была чрезвычайно низкой, практически нулевая, если быть точным. Любой, кого допустили на мостик корабля и кто умел складывать два, и два, поймёт, что ни одна ракета не сможет проделать путь в семьдесят миллионов километров, которые сейчас разделяли «Трафальгар» и «Акрецию», и попасть в цель.

– Потеря сигнала! – раздался чёткий доклад Жанны. – Потеря сигнала атакующих ракет! Они отключили двигатели и перешли на полёт по баллистической траектории.

Карсон ждал этого момента.

– Рулевой, смена курса на ноль-ноль-пять на двадцать пять секунд, после чего возвращаемся на предыдущий курс.

– Есть, сэр!

Эсминец послушно отозвался на команду и сменил направление движения, постепенно отклоняясь от своего первоначального курса, а значит, и от места, куда могли быть нацелены ракеты. Можно было сменить направление более радикально или держаться на изменённом курсе более долгое время, но Эндрю нужно было понять, кто и чем в них стреляет.

Старпом наклонился к капитану:

– Очевидно, теперь мы знаем, откуда взялась хотя бы часть из тех лишних пятидесяти тысяч тонн, – сказал он.

Карсон скривился.

– Очевидно – да. Они запихнули в эту развалину несколько пусковых и боезапас. Вот теперь главный вопрос, Джерри. Что именно к нам летит?

– Я думаю, мы узнаем это через... – Он посмотрел на корабельный хронометр. – Через двадцать две минуты.

И это было правдой. Эндрю кивнул, в знак подтверждения его слов.

– Секции РЭБ и ПРО, готовность! Отслеживайте этих мерзавцев, как только они включат двигатели.

– Да, капитан!

Несколько человек склонилось над экранами поста радиоэлектронной борьбы и противоракетной обороны. Первые всю сканировали пространство, вторые же готовили системы наведения ракет перехватчиков и систем ближней противоракетной обороны, которая состояла из расположенных на корпусе эсминца лазерных излучателей.

Минуты шли одна за другой. Приближающейся «Акреции» было отправлено ещё два сообщения, которые та, впрочем, так же проигнорировала. Расстояние между кораблями уменьшилось до трёх с половиной световых минут, и канониры наконец смогли взять более-менее прицельное решение для стрельбы с учётом догоняющего вектора «Акреции». И вот...

– Сигнатуры двигателей! Пять ракет включили двигатели и набирают ускорение. Они в одном миллионе кликов у нас по левому борту... Это промах, сэр.

Именно на то расстояние, на которое эсминец увёл в сторону своевременный приказ капитана.

– Знаю, лейтенант... Что с показаниями ракет?

Лейтенант некоторое время всматривалась в экран, прежде чем ответить:

– Я... я не могу сказать точно, капитан. Что-то старое, вроде наших «Марк-пять» или «Марк-семь»... Внимание! Резкий выброс нейтронов!

В одном миллионе километров от корабля зажглось несколько небольших солнц, буквально на мгновение осветив окружающую пустоту огнём атомного пламени.

– Сэр, это были ядерные боеголовки. Ориентировочная мощность около пятидесяти мегатонн каждая. Я прогнала излучение их двигателей через нашу базу данных. Это старые «Фольксштурмы» СНП. Только боеголовки на них другие. Согласно нашим данным, во флоте Союза эту модификацию заменили лет двадцать назад.

Старпом выругался, а капитан только кивнул, признавая справедливость использованных им непечатных выражений и повернулся к тактической секции.

– Огневое решение для стрельбы готово?

– Так точно, сэр. Правда, наша точность вряд ли заставит вас нами гордиться.

– Ничего. Приготовьте ответ. Пора показать, что мы настроены серьёзно. Предупредительный выстрел, огонь по готовности.

– Есть, капитан.

«Трафальгар» был эсминцем нового класса «Лучник». Данный класс кораблей строился с упором в сторону ракетного вооружения, в противовес классической сбалансированной схеме. По сравнению с более старыми эсминцами класса «Звёздная гончая», он имел по десять ракетных пусковых установок с каждого борта, что было на три установки больше, чем у более старых кораблей. Его погонное вооружение было представлено четырьмя ракетными установками на носу и двумя – на корме, в то время как «Звёздные гончие» пусковых систем на корме не имели вовсе. С другой стороны, его энергетическое вооружение было почти на тридцать пять процентов слабее, чем у кораблей более старого класса.

Современные военные корабли несли довольно мощные энергетические щиты, которые прикрывали корабль с четырёх сторон, вокруг его оси и с носа. На корме энергетической защиты не было вовсе из-за мощного выхлопного излучения маршевого двигателя, которое снесло бы любую защиту за миллисекунду. Из-за эффекта рассеивания, который уменьшал мощность выстрела энергетического оружия при прохождении большого расстояния, для того чтобы пробить щиты другого корабля, необходимо было подойти на достаточно близкое, по меркам космоса, разумеется, расстояние. Минимум в две световые секунды.

Лишь самые тяжёлые орудия дредноутов и линейных крейсеров могли надеяться пробить щиты и поразить корабль с такого расстояния. Эсминцу же с его куда более скромным калибром пришлось бы подойти ещё ближе. При этом шансов сделать это у него было куда меньше, чем у кораблей большего тоннажа. Поэтому при разработке класса «Лучник» конструкторы довольно здраво рассудили, что гораздо лучше обеспечить эсминцу возможность вести шквальный ракетный огонь, чем в самоубийственной попытке сблизиться на дистанцию стрельбы из энергетических батарей практически в упор, где его шансы на выживание падают по экспоненте. В подобном подходе были и свои минусы. Из-за возросшего темпа стрельбы погреба «Трафальгара» расходовали ракеты с умопомрачительной скоростью. При ведении беглого огня он бы исчерпал весь свой запас ракет почти на восемь минут быстрее, чем более старые корабли типа «Звёздной гончей», но это с лихвой компенсировалось большей плотностью огня.

И Эндрю Карсон мысленно поздравил конструкторов со здравым решением, глядя на экране, как вторая кормовая пусковая выпустила ракету, придав ей стартовое ускорение мощными магнитными катапультами.

– Сэр. Наша птичка набирает скорость. Подлётное время восемь минут и тридцать пять секунд. Через три минуты сорок секунд будет набрано максимальное ускорение, и ракета пройдёт путь в двести восемьдесят секунд в баллистическом режиме, потом снова включит двигатель для наведения.

– Отлично, канонир. Наши птички однозначно быстрее.

– Так точно, капитан.

И тут же, видимо, заметив излучение двигателя ракеты, а точнее его исчезновение, после того как завершился набор скорости, «Акреция» стала менять курс, как это недавно сделал «Трафальгар». Вот только капитан эсминца и не собирался стрелять прицельно. Спустя расчётное количество времени выпущенная эсминцем ракета прошла часть пути с отключённым главным маршевым двигателем, а затем включила его вновь, наращивая ускорение и устремляясь прямо к переоборудованному пиратами торговому судну.

Она взорвалась сто пятидесяти мегатонной вспышкой прямо у них по курсу в одном миллионе километров от корабля, оставив после себя облако расширяющихся раскалённых газов и плазмы, в которые «Акреция» неминуемо влетит, следуя по своему вектору движения. Большого вреда взрыв, конечно, не нанесёт. Антирадиационные и противопылевые экраны смогут уберечь экипаж и отсеки корабля от смертоносного гамма-излучения, но большую часть коммуникационных антенн, вынесенных на корпус, придётся менять. Всё же делали их не для военных кораблей, которым полагается такие облака пролетать насквозь, не замечая их вовсе.

– Ну вот и поздоровались... Связь, отправьте им сообщение и передайте, что если они не ответят, то мы разнесём их лохань, благо повод они нам уже дали.

– Так точно, капитан.

– Стивенс, сообщите Сергеевой, чтобы она была готова к вылету по команде. И проследите за подготовкой штурмового отделения.

Старпом кивнул:

– Есть, капитан...

Его прервал неожиданный крик, разлетевшийся по мостику эсминца:

– Ракеты! Ракеты! Ракеты! Пеленг два-семь-ноль на ноль-один-пять. Боже! Они летят прямо на нас!

На мостике словно разорвалась бомба. Все, кто стоял на ногах, тут же рванули к своим креслам и судорожно затягивали привязные ремни.

– Жанна! Мне нужна информация! – скомандовал Карсон, перестраивая показания дисплеев капитанского кресла и вывода нужные данные.

– Восемнадцать ракет. Один-восемь подлетающих птичек. Идут с корректирующим ускорением в десять тысяч g. Скорость двадцать две тысячи кликов в секунду. Дистанция пять миллионов километров и сокращается. Подлётное время – двести двадцать шесть секунд.

Глаза Карсона расширились в ужасе. Их только что атаковали с совершенно другого направления. Что за чертовщина?!

– Системы РЭБ и ПРО запуск по готовности. Как только подойдут на три миллиона кликов – запуск противоракет.

Офицеры отрапортовали о том, что поняли приказ, и их пальцы запорхали над экранами, вводя огневое решение для стрельбы систем противоракетной обороны. Где-то внутри корпуса эсминца заряжающие механизмы начали подавать ракеты-перехватчики на направляющие, готовя их к запуску.

– РЭБ – запуск!

Системы радиоэлектронной борьбы «Трафальгара» включились на полную мощность, посылая в летящие ракеты чудовищное количество электронных помех, стараясь сбить их с атакующего курса. В спешке операторы систем выдавали на передатчики максимальную мощность, и два из семи излучателей электронного противодействия вышли из строя. Их системы проверялись перед выходом из дока, но сейчас, в экстренной ситуации, поданная на них пиковая нагрузка привела к тому, что их цепи не выдержали и расплавились. Но свою работу они сделали. Попав в кипящий ад радиолокационных помех и создаваемых электронными излучателями ложных целей для радаров наведения, часть ракет потеряла цель. Сначала одна. Потом вторая. А затем и ещё две. Четыре ракеты сбились с курса и ушли в пустоту, погнавшись за несуществующими фантомами.

– Жанна, найдите мне этого ублюдка! – почти прорычал Эндрю, шаря по тактическому экрану глазами.

– Мы стараемся, сэр, но он очень хорошо прячется.

В голосе девушки впервые прорезались лёгкие нотки паники.

Эндрю, скрипя зубами, смотрел на то, как приближающиеся ракеты преодолели полтора миллиона километров, а навстречу им уже неслись первые перехватчики, которые за счёт своих куда более скромных размеров и массы могли развить поразительную скорость. Каждая из них была оснащена мегатонной боеголовкой, что в реалиях военных столкновений в космосе было чем-то сродни детской хлопушке. На эсминце было в общей сложности двадцать пусковых установок для противоракет. Из-за вектора приближающихся ракет вести огонь могли только восемь, цикл перезарядки которых составлял всего двенадцать секунд, что означало пять залпов по приближающимся ракетам, достаточно, чтобы проредить их, но и только.

– Жанна, продольное вращение по оси на левый борт. Вести беглый огонь противоракетами.

– Есть продольное вращение. Внимание! Второй залп! Внимание, фиксирую второй залп. Восемнадцать раке... ошибка! Тридцать шесть ракет в залпе! Дистанция шесть миллионов километров!

Господи боже... Руки Карсона сжали подлокотники с такой силой, что у него заныли костяшки пальцев под плотным покрытием скафандра. Это же всего в двадцати световых секундах от нас.

– Капитан! Я засекла его! Излучение частиц Черенкова от их двигателя! Двигается с нами параллельным курсом прямо перед нами и на семнадцать градусов правее, на дистанции в шесть с половиной миллионов километров... Мощный выброс в инфракрасном диапазоне! Корабль противника сбросил термические накопители.

На экране, перед капитанским креслом, первые перехватчики набросились на приближающиеся снаряды. Один промах. Второй. Попадание! Противоракета вышла на встречный курс и сдетонировала свою боеголовку, уничтожив приближающуюся ракету шаром раскалённой плазмы. Медленно, одна за другой с экрана начали исчезать приближающиеся ракеты, уничтожаемые перехватчиками. Вот только вслед за ними летели новые...

... И их было пугающе много.

Глава первая

Звёздная система Вердена, Траствейн.

База ВКФ «Валликт».

19 февраля 784 года после эры колонизации

Молодой адъютант адмирала сидел за своим столом и проводил перекрёстную проверку отчётов, с их последующей классификацией и рассылкой. Несмотря на скромное звание лейтенанта, ему удалось хорошо показать себя в административной работе, что позволило получить довольно престижную должность при адмирале Райне. В свои девяносто семь лет контр-адмирал ВКФ Виктор Райн больше всего походил на извергающий энергию термоядерный реактор. Предпочитая решать как можно больше вопросов самостоятельно, он перекладывал на своего адъютанта в основном различную бумажную работу, которой было не очень-то и много.

Так что молодой офицер наслаждался простой, но престижной должностью, которая потом будет очень хорошо смотреться в его личном деле. На коммуникационной панели его стола загорелся индикатор, сигнализируя о вызове. И шёл этот вызов из кабинета, который располагался за стеной, рядом с приёмной, которая была рабочим местом адъютанта. Офицер протянул руку и нажал на нужную кнопку.

– Да, сэр?

– Он уже пришёл?

Лейтенант бросил взгляд на сидящего у дальней стены приёмной человека, который расслабленно облокотился на спинку дивана из искусственной кожи.

– Да, сэр. Прибыл полчаса назад... Но вы велели не беспокоить вас, пока вы не закончите с отчётами от контр-адмирала Богданова...

Из динамика раздался вздох.

– Ладно, передайте командеру, что я готов его принять.

– Да, адмирал, конечно.

Отключив связь, адъютант встал из-за стола, одёрнул китель и подошёл к сидящему на диване офицеру. Всмотрелся в его безмятежное, но строгое и худое лицо с резкими чертами. Тёмные волосы были чуть длиннее, чем полагалось по уставу, но больше всего бросался в глаза левый рукав кителя. Аккуратно сложенный, он был закреплён у плеча специальным зажимом, который не позволял ему развернуться на всю длину. Командер спал, откинувшись на спинку дивана и положив форменную фуражку на колени, и эта мирная картинка показалась адмиральскому адъютанту, который всегда и во всём следовал уставу, весьма неподобающей. Он встал рядом с диваном навывтяжку и громко прокашлялся. Молодой человек вздрогнул, просыпаясь. От этого движения фуражка едва не съехала с колен на пол, но он успел её подхватить. Немного проморгавшись, командер заметил стоявшего рядом адъютанта.

– Лейтенант?

– Адмирал готов вас принять, командер Райн.

Потерев лицо единственной рукой, Томас Райн поднялся с дивана и, одёрнув немного перекосившийся китель, надел фуражку.

– Спасибо, лейтенант.

Том прошёл через приёмную к широким раздвижным дверям, которые тут же открылись при его приближении. За ними располагался просторный кабинет, принадлежавший его отцу. Широкий стол из настоящей тёмной древесины, несколько кресел, обитых в отличие от дивана в приёмной настоящей кожей, небольшой кофейный столик с удобными креслами у правой стены. Но самой впечатляющей деталью кабинета был обзорный иллюминатор – от переборки

до переборки – с видом на огромный орбитальный комплекс, что протянулся почти на пять километров на геосинхронной орбите над Траствейном.

Это была космическая станция «Валликт» – одна из четырёх основных баз Верденского военно-космического флота. Она служила не только административным и командным центром, но и местом постоянной стоянки Второго флота, предоставляя ему свои ремонтные и производственные мощности. И сейчас из этого окна в пустоту открывался вид на протянувшиеся вдаль её секции, на корабли, пришвартованные в доках, и снующие в пространстве челноки.

Райну казалось, что он даже видит через обманчиво хрупкое стекло вспышки молекулярной сварки на корпусе лёгкого крейсера, что покоился в ремонтном доке в километре от адмиральского кабинета.

Спокойный и суровый голос отца отвлёк Тома от созерцания этого зрелища:

– Проходите, командер. Присаживайтесь.

Тяжесть, прозвучавшая в голосе, не сулила ничего хорошего.

– Спасибо, сэр.

Том опустился в одно из кресел для гостей перед адмиральским столом. Сидящий перед ним человек был немного выше его, но в остальном представлял собой почти точную копию молодого офицера, только постаревшую. Общность черт сразу бросалась в глаза, выдавая родство двух мужчин. Несмотря на свой биологический возраст, выглядел адмирал лет на сорок. Его единственный сын казался двадцатилетним, несмотря на то что с момента его рождения прошло уже почти тридцать семь лет.

Немного помолчав, Виктор Райн взял лежащий перед ним тонкий информационный планшет и протянул его Томасу:

– Здесь выводы следственной комиссии по делам флота, касательно аварии на эсминце ВКФ «Мастиф».

Райн нервно сглотнул, стараясь не показать охватившей его дрожи.

– Они... наконец закончили расследование, сэр?

Лицо его отца оставалось всё таким же невозмутимым.

– И да и нет. К сожалению, работники СКДФ не смогли найти вещественных доказательств того, что системы магнитной ловушки, которые были установлены на «Мастиф», были с дефектом. Документы с верфи говорят о том, что они прошли все системные и технические проверки и были надлежащего качества.

В груди у Тома сжался пылающий комок гнева, который, казалось, готов был расплавить его изнутри.

– Согласно предварительному заключению СКДФ, отказ был спровоцирован перегрузкой во время ходовых испытаний, которые ты санкционировал. Данное заявление также было подтверждено твоим старшим помощником, лейтенантом-командером Ставичем.

Райну стоило немалых усилий, чтобы голос не дрожал:

– Сэр, как я уже указал в рапорте, первые признаки неполадки систем магнитной ловушки реактора были выявлены ещё до начала испытаний. Это подтвердил мой старший инженер Бронли. А ходовые испытания, которые нам было приказано провести, мы проводили, отключив от питания двигателя второй реактор. Они никак не могли повлиять на работу его систем.

Адмирал выслушал это довольно резкое высказывание, оставаясь абсолютно спокойным.

– К сожалению, – медленно произнёс он, – лейтенант Жерон Бронли уже не сможет ни подтвердить, ни опровергнуть эти слова. Он мёртв, как и ещё пять членов твоего экипажа.

Эти слова действовали на молодого человека подобно ведру ледяной воды. Перед его глазами вновь промелькнули мгновения катастрофы, и что самое страшное, сейчас, спустя два месяца после неё, Томас не мог вспомнить лица некоторых из погибших.

Увидев застывшее лицо командера, адмирал вздохнул и откинулся на спинку кресла.

– Исключительно между нами... Я считаю, что ты прав. И даже не потому, что ты мой сын, Том. Я уверен, что ты поступил так, как говоришь, и отключил перед испытаниями реактор, в надёжности которого не был уверен на сто процентов. Но проблема в том, что из-за катастрофы у нас недостаточно технических записей. Особенно тех, которые касались бы тестовых проверок системы второго реактора.

Том кивнул и с трудом сглотнул комок в горле. Его отец несколько сгладил ситуацию. Не было не только записей. Когда вышла из строя система магнитной ловушки, которая удерживает раскалённую плазму в контуре реактора, началась масштабная перегрузка всех систем. Некоторое время, семьдесят четыре секунды, если быть точным, казалось, что система восстановилась после перегрузки и реактор вернулся к штатному рабочему режиму. Вот только всё было гораздо страшнее.

За эти семьдесят четыре секунды, которые прошли с момента доклада Жерона на мостик о возможных помехах в работе реактора, система контроля испытала на себе моментальную перегрузку, которая вывела из строя магнитную ловушку. Крошечный дефект вызвал отказ системы, которая по идее была безотказной и должна была служить предохранителем – вышла из строя из-за того, что призвана была предотвратить. Взрыв разворотил весь второй реакторный отсек. Последствия могли быть гораздо хуже, если бы лейтенант Жерон Бронли ценой своей жизни не инициировал сброс пошедшего в разнос реактора в космос.

– И тем не менее твоё решение проводить ходовые испытания, когда тебе заранее доложили о возможных помехах в работе реактора, было глупым и необдуманным, даже несмотря на меры предосторожности, которые ты принял. Ты поступил слишком самоуверенно и глупо, решив продолжить испытания. Из-за твоего имени окончательное расследование будет долгим и вряд ли приятным. Возможно, в том, что осталось от «Мастифа», мы сможем откопать новые детали произошедшего.

Его отец наклонился и достал из ящика стола ещё один планшет и тоже положил его на стол перед сыном.

– Тем не менее у меня уже есть предварительное заключение.

Закусив губу, Том посмотрел на тёмный, выключенный экран планшета, который лежал на столе перед ним. Окантовка экрана была помечена двумя параллельными полосками насыщенного алого цвета, признак того, что данная вещь принадлежала кому-то из членов следственной комиссии.

– И... и что в нём, сэр?

– Согласно предварительному заключению СКДФ, авария была вызвана твоими действиями как капитана военного корабля ВКФ.

Слова, произнесённые тихим, спокойным и практически бесстрастным голосом, эхом отдались от стен кабинета. Они прозвучали эпитафией для него как для офицера и пяти членов его экипажа, которых уже было не вернуть.

– Как я уже сказал, данное заключение предварительное. Тем не менее было принято решение вывести тебя за штат флота с половинным жалованьем. Ты будешь отстранён от командования, но не уволен со службы. Решением комиссии тебя переводят в резерв.

Услышав это, Том усмехнулся. Перевод в резерв. Любой офицер, в чьём личном деле будут написаны такие слова, на веки вечные останется сухопутной крысой, без возможности вновь подняться на мостик боевого корабля. У него отобрали его крылья. Навсегда. И если быть честным, сделали это по его же собственной глупости.

– Тебе официально сообщат об этом решении, скорее всего через три или четыре дня. Я потянул за кое-какие ниточки и добился возможности сказать тебе это лично. После получения сообщения тебе нужно будет передать все свои дела.

– Моя карьера...

– Твоя карьера, Том, окончена. – В голосе его отца послышалась сталь. – По крайней мере, на время расследования. Как я уже сказал, решение временное и предусматривает только твой вывод из штата действующих офицеров на время расследования. Оно, конечно, затянется, но если твоя непосредственная вина не будет доказана, скорее всего ты сможешь вернуться на службу.

– Но капитаном корабля мне уже не быть...

Виктор Райн медленно покачал головой:

– Нет. Скорее всего нет... Хорошо, что ты ещё смог избежать военного суда в связи с гибелью членов твоего экипажа. От него тебя спасло то, что с реактором ты поступил абсолютно правильно, отключив его из цепи. И то, что провести ходовые испытания после ремонта вам было приказано. Так что все твои действия были верными, особенно после аварии. Ну и конечно, твоё имя помогло. Хочешь знать моё мнение?

Том осторожно кивнул.

– Ты совершил глупость. Из-за своей самоуверенности ты всегда был хорошим офицером. Но это сделало тебя слишком самонадеянным. Гордым. В твоей жизни просто не встречалось ситуаций, безысходность которых могла бы научить тебя безжалостности судьбы. И вместо того чтобы поступить по уму и прервать испытания, ты продолжил их.

– Я...

– Замолчи и слушай, – резко прервал его отец. – Был ли дефект реактора или нет – это не важно. Окончательное решение о принятии решения лежит на тебе как на капитане. Ты отвечаешь за жизни подчинённых тебе людей. Ты, а не кто-то другой. Не имеет значения, что рабочими верфей была допущена ошибка. Не важно, что у тебя был приказ. Ты, а не кто-то другой принял решение. Жизни людей – вот цена совершённой тобой ошибки. Вот с чем ты столкнулся. И поверь, тебе ещё повезло. Не тебе пришлось писать письма родственникам погибших. Искать слова, которые могли бы объяснить им, что из-за своей ошибки ты лишил их родных и близких. Что из-за твоей проклятой гордости и самоуверенности они сгорели заживо, когда раскалённая плазма вырвалась из повреждённого реактора. Ты лежал в госпитале, когда писались эти письма.

На последних словах Райн-старший почти перешёл на крик. Каждое его слово причиняло сыну почти физическую боль. И каждое слово было правдой, от чего было ещё хуже.

Контр-адмирал замолчал, удивлённый собственной злостью.

– Наш флот полон молодых офицеров, – продолжал он. – Мало кто из них сталкивался с ситуацией, в которую попал ты. И это одновременно и прекрасно, и ужасно. Вы не знаете, что это такое – совершить подобную ошибку. И это рождает в вас самоуверенность и спесивость.

Том молчал. Ему нечего было ответить на эти слова.

Виктор Райн немного помолчал, словно разглядывая батальное полотно, висевшее на одной из стен.

– Ладно, я слишком хорошо знаю, с чем ты столкнулся. Вряд ли кто-то сможет наказать тебя сильнее, чем ты сам. С официальной частью покончили, и пёс с ней. – Он кивнул на сложенный левый рукав кителя: – Как рука?

Том неловко шевельнул плечом отсутствующей левой руки.

– Врачи сказали, что мне повезло. Нервные окончания практически не пострадали, так что у меня два варианта. Либо регенерация, либо протез.

– Ещё не выбрал?

– Я даже не думал об этом, отец. Это беспокоит меня меньше всего. Теперь.

Покачав головой, контр-адмирал встал из-за стола и, пройдя через кабинет, подошёл к переборке, которая была за кофейным столиком. На ней висела большая картина, почти в метр шириной, на которой была изображена сцена морского сражения. Древние деревянные корабли под белоснежными парусами вели сражение в клубах порохового дыма. Зная отца, Том был

уверен, что картина – подлинник, а не копия. Неизвестному художнику удалось запечатлеть в статичной картинке весь грохочущий ад происходящего на батальном полотне сражения.

Подойдя к картине, адмирал провёл пальцами по нижнему левому краю рамы. От этого движения картина плавно поднялась вверх, открыв нишу со стеклянными полками, которые оказались ничем иным, как потайным мини-баром. Райн-старший взял пару бокалов и, бросив в них по четыре кубика льда, налил из одной из бутылок янтарного цвета напиток. Примерно на два пальца. Вернувшись за стол, он протянул один из бокалов сыну. Тот скептически посмотрел на него.

– Бери! – чуть резче, чем хотелось, сказал его отец. – У меня и так редко появляется возможность увидаться с сыном.

Он сел в своё кресло, и они звякнули бокалами. По запаху Том определил, что это старое шотландское виски с Земли, которое так любил его отец. Глоток напитка обжигающей волной пронёсся по горлу, от чего Тому стало немного теплее.

– Спасибо...

Виктор Райн лишь кивнул в ответ и поставил свой бокал на стол, напитка в котором, казалось, не стало меньше.

– Не переживай. Я постараюсь надавить на знакомых мне ребят из СКДФ, чтобы они работали поусердней. Несмотря на глупость твоего решения, я уверен, что ты сделал всё именно так, как говоришь. А значит, в вину тебе можно поставить только опрометчивое решение вывода двигателя на максимальную мощность. Это значит, что в системах второго реактора действительно был дефект, который проглядели на верфи. От этого и будем отталкиваться. Так что не раскисай, ещё ничего не кончено.

– Я...

– Ты совершил ошибку. Ужасную. Но если ты из-за этого замкнёшься в себе, откажешься от всего, ради чего ты так упорно трудился, тебе станет ещё хуже.

– Знаю. Вот только, что мне теперь делать...

– Отдыхать. Ты находишься всего в тридцати пяти тысячах километров от одной из самых прекрасных планет. Лети на Траствейн и отдохни. Найди себе подружку, проведи месяц-другой на пляже. Жалованье, пусть и половинное, ты всё равно будешь получать, да и не замечал я, чтобы ты проматывал денежное довольствие на развлечения. Используй это время с пользой. В любом случае на период от полутора года до двух ты, по сути, будешь гражданским человеком.

– Да, вот только я не об этом мечтал.

– Знаю, сын. Знаю. Но за ошибки всегда приходится платить. И порой призраки требуют плату куда более тяжёлую, чем живые.

* * *

Низкая орбита Траствейна.

2 марта 784 года после эры колонизации

– Внимание, уважаемые пассажиры, – раздался в салоне голос капитана. – Наш челнок готовится войти в атмосферу Траствейна. Мы совершим посадку в главном космопорте Прайден-сити через тридцать пять минут. Просим вас застегнуть привязные ремни...

Том не слушал. Он пристегнулся без напоминания. На службе к таким вещам относятся крайне серьёзно и требования безопасности выполняются неукоснительно. Далеко не все пассажиры поступили так же. Они вальяжно развалились в своих креслах, даже не притронувшись к ремням. К таким подходили бортпроводники и мягко указывали им на недопустимость игнорирования требований безопасности. Как правило, большинство тут же выполняли просьбу, стараясь не привлечь к себе лишнего внимания.

Кресло Тома было крайним у правого борта челнока, как раз рядом с небольшим обзорным иллюминатором. Из него прекрасно было видно, как опрокидывается линия горизонта, словно маневровые двигатели управляли не челноком, а планетой. В данный момент они выводили корабль на нужный угол и положение для входа в атмосферу. Постепенно пространство за иллюминатором заполнилось всполохами пламени, обтекающего раскалённую от трения об атмосферу обшивку, а на тело легонько надавила перегрузка, вжимая офицера в противоперегрузочное кресло. Пассажирские челноки не были оснащены столь мощными компенсаторами инерции, какими были оборудованы военные модели. Перегрузка от вхождения в атмосферу с последующим торможением не полностью ими компенсировалась, но не создавала серьёзных неудобств, лишь мягко прижимая к ложементу.

Многие из пассажиров челнока с интересом приникли к своим смотровым иллюминаторам, наблюдая процесс входа в атмосферу. Том же откинулся в кресле и попробовал немного подремать. Для него подобные спуски были не то что рутинной, но даже какого-либо нервного напряжения не вызывали. Он твёрдо знал – если что-то пойдёт не так, все они умрут и помочь им не сможет никто. С другой стороны, подобные инциденты случались настолько редко, что тут же становились достоянием общественности и долго обсуждались.

Так что у командера вход в атмосферу не вызывал эмоций. Чего нельзя было сказать о сидящей рядом с ним девушке. Она заняла место рядом с ним в самом начале полёта. И сейчас сидела, вцепившись руками в подлокотники кресла так, что у неё побелели костяшки пальцев. Её глаза были плотно закрыты, а лицо побледнело. В общем-то обычная реакция человека, для которого это была первая посадка.

Вздохнув, Том повернулся к девушке.

– Первый раз, да? – тихо спросил он.

Девушка отрывисто кивнула, не открывая глаз. От этого движения со лба её на лицо упало несколько светлых прядей.

– Помню свой первый раз, – начал он, по себе зная, что в стрессовой ситуации лучший способ не запаниковать – это отвлечься. – Я тогда буквально чуть не обделался при спуске. Мы входили в атмосферу на лёгком боте и должны были отработать высадку в боевой обстановке. Классические флотские учения. Правда, я тогда сидел в кабине, а не в десантном отсеке, но всё равно трясло нас нещадно. Но были и плюсы. Только представьте, какой потрясающий вид открывался из кабины на планету при спуске. – Том немного помолчал. – Не переживайте, всё будет хорошо. Челнок проверили при старте, и все его системы работают прекрасно, а экипаж знает свою работу... Откуда вы?

Девушка сглотнула, но всё же ответила на вопрос:

– С... Сигмы Орихалки... Я студентка по обмену.

Том присвистнул.

– Далеко же вы забрались. Позвольте угадаю. Прайденский астрофизический университет, верно?

Она вновь кивнула. Прайденский астрофизический университет был целым научным городком с населением в двадцать тысяч человек и считался лучшим учебным заведением Вердена в этой области космоса. Ежегодно на планету прибывали тысячи абитуриентов, чтобы постараться попасть в него. Если бы не военная служба, Том тоже пошёл бы туда. Вот только у него была лишь одна мечта, и путь к ней лежал через капитанский мостик корабля. По крайней мере, так было раньше.

Челнок заметно тряхнуло. Том даже не обратил на это внимания, но для девушки, которая, быть может, впервые выбралась за пределы своей планеты, это было подобно удару грома. Она едва сдержала вскрик, а её пальцы в панике схватились за первое, что попало. А попала им лежащая рядом с ней на подлокотнике рука Тома. Девушка вцепилась в рукав куртки из искусственной кожи.

– Спокойней, – попробовал успокоить её Райн. – Это лишь небольшая турбулентность. Совсем скоро всё кончится.

Он знал, что прав. И словно подтверждая его слова, раскалённое сияние обшивки челнока стало тускнеть. Огненный ураган за иллюминатором рассеялся. Когда челнок чуть накрепчился, корректируя свой курс, открылась бескрайняя панорама голубого неба.

– Вот видите, уже всё. Хотите воды?

– Д... да. Спасибо.

Том протянул ей фляжку с водой, и девушка взяла её, отпустив при этом его руку и немного покраснев. Она открыла фляжку и стала жадно пить воду через трубочку. Том же откинулся на спинку кресла, отвернувшись к иллюминатору.

– Спасибо вам, – сказала она, возвращая ему фляжку, и Том немного неловко взял её левой рукой. Его соседка удивлённо уставилась на металлические пальцы протеза.

– О... ваша рука... она...

Том смущённо улыбнулся и, ухватившись своими новыми пальцами за флягу, убрал её на своё место.

– Протез... Потерял руку на службе.

– Вы военный?

– Офицер флота. – Он прикусил губу. Эти слова снова отдались болью. – Был им раньше, по крайней мере.

– Я думала, в таких случаях выращивают новую...

– Да, как правило. Только процесс этот очень долгий, а мне не хотелось ждать.

И это было правдой. В случае серьёзных травм, например – при тяжёлых повреждениях внутренних органов или потери конечностей, их могли заменить на регенерированные. После окончания процесса новые органы и части тела обладали практически стопроцентной приживаемостью и отторгались чрезвычайно редко. Единственным минусом такого процесса было то, что он был крайне долгим.

На то, чтобы полностью регенерировать руку, Тому пришлось бы потратить от шести до восьми месяцев. С большинством внутренних органов было проще из-за их состава. Они выращивались отдельно и лишь потом пересаживались. С рукой было так же, вот только она была куда сложнее, чем, скажем, селезёнка или желудок. Поэтому, чтобы не ждать, Том оставил свой выбор на обычном протезе, который полностью заменил ему левую руку. Будучи подключённым к нервным окончаниям, он был способен передавать всю тактильную информацию и мало чем отличался в этом плане от обычной руки.

– Я видела у себя дома несколько людей с протезами. – Девушка с интересом рассматривала пальцы кибернетической руки. – Даже у моего дедушки был такой вместо ноги. Пришлось так сделать из-за того, что у него обнаружили синдром Гранина.

Услышав это, Том немного поёжился. Название болезни было общеизвестно, хотя ей был подвержен крайне низкий процент населения. В том же Вердене синдромом Гранина были больны всего семь процентов населения.

В целом на первый взгляд это было довольно безобидное заболевание, которое заставляло организм выделять особые безвредные для него антитела. Единственной особенностью, которая привлекла миллионы врачей для изучения этого синдрома и попыток его лечения, было то, что эти антитела делали человека невосприимчивым к регенеративной терапии. При попытке человека, страдающего таким синдромом, вырастить, скажем, палец, скорее всего образуется опухоль из-за избытка регенеративного материала. С органами, которые выращивались отдельно, дело обстояло несколько лучше, у них была возможность безопасно сформироваться в полноценный человеческий орган для пересадки. Вот только из-за синдрома резко повышалась возможность отторжения выращенного органа. Шанс на успешную пересадку хоть и был, но составлял всего двадцать процентов.

– Сочувствую... А у вас?

Девушка пожала плечами, продолжая рассматривать его руку.

– Я не знаю, если честно, – немного смущённо произнесла она. – До сих пор боюсь повериться.

– В этом нет ничего страшного. Просто врачи...

– Да, я знаю, что это глупо, – прервала его девушка. – У нас при рождении такая проверка делается у всех детей без исключения, но если в генетической линии были случаи заболевания, то оно может проявиться в следующем поколении, в более позднем возрасте... Я думала, что их покрывают искусственной кожей.

Она указала на руку Тома.

– Да, но я решил отказаться от этого.

– Почему? Ведь тогда она была бы почти как настоящая.

Райн немного помолчал, прежде чем ответить:

– Скажем так, это своеобразное напоминание.

– Напоминание?

Она недоумённо посмотрела на него.

– Да. О глупости.

Лицо молодого человека вдруг ужесточилось, а взгляд посуровел, поэтому девушка решила не развивать эту тему. Даже ей было видно, что сидящему рядом с ней мужчине не очень приятно обсуждать это.

– Меня зовут Рита, – наконец представилась она и протянула ему руку.

Чуть поколебавшись, он пожал её пальцы своими – из плоти и крови.

– Томас Райн. Можно просто Том.

Глава вторая

Временная база Рейнского Протектората «Турин».

Место нахождения – неизвестно

Вильям Форсетти стоял возле обзорного экрана. Он смотрел, как рабочие, вкалывающие в вакууме, сновали вокруг корпуса его крейсера и каждый из них был одет в специальный скафандр для работы в открытом космосе. Они были оснащены не только микродвигателями, тусклые вспышки которых он порой замечал. Эти скафандры были предназначены для пространственного маневрирования в условиях нулевой гравитации, но также являлись и экзоскелетами, которые значительно усиливали физические возможности и в то же время давали чрезвычайную точность движениям. Настоящие мастера овладевали ими настолько хорошо, что могли продеть тончайшую нить через игольное ушко.

На глазах командира они стали осторожно снимать пластины повреждённой брони правого борта. От вида уродливого шрама, который протянулся почти на тридцать метров от пятидесяти шпангоута на броне его красавца, у Форсетти защемило сердце, как если бы он смотрел на собственного изувеченного ребёнка. Рабочие установили магнитные захваты на повреждённых секциях, и один из них, вероятно главный инженер верфи, махнул рукой. Под воздействием силовых захватов огромная оплавленная бронеплита из композитных материалов, толщиной в пятьдесят сантиметров, плавно отошла из своего места, обнажив внутренний, подброневой, корпус корабля.

Форсетти внимательно следил за действиями рабочих. Он старался заметить какие-либо огрехи в их работе, хотя и знал, что вероятность этого очень мала. Все они были прекрасными профессионалами и истинными патриотами своего государства. Позади него раздался спокойный голос, который отвлёк Вильяма от этого зрелища:

– Представляю, что ты сейчас чувствуешь.

Форсетти обернулся. Неспешной походкой к нему подошел начальник станции «Турин». Он едва заметно прихрамывал на левую ногу – следствие давней травмы, от которой он так и не оправился.

– Как будто смотришь на собственного ребёнка на операционном столе, – заметил подошедший.

Капитан покоящегося в открытом доке крейсера кивнул, признавая правоту его слов:

– Этот парень оказался очень хорош.

Начальник верфи достал из кармана своего кителя старомодную деревянную трубку и начал забивать её табаком из полимерного пластикового кисета.

– Ну, учитывая разницу в тоннаже, я вообще удивлён, что он смог дать столь... – Он прикусил мундштук трубки зубами и задумался, словно подбирая подходящее слово. – Столь достойный ответ.

– Это был чёртов «Лучник», – со злостью бросил Форсетти. – Сергей, я ожидал встречи со старой «Звёздной гончей», а не с их новеньким эсминцем.

Он вздохнул и вновь повернулся к обзорному окну, за которым рабочие уже приступили к отсоединению следующей повреждённой секции. В задумчивости Форсетти облокотился на раму иллюминатора и прижался к его холодной поверхности лбом.

– В следующий раз я такой ошибки не допущу.

В окне отразилась вспышка крохотного огонька, и в нос ударил сладковатый запах табака, который тут же начал распространяться по помещению. Незаметно для своего собеседника Форсетти усмехнулся. Он уже давно привык к этой его старомодной привычке.

– Ты в курсе, что эта дрянь когда-нибудь убьёт тебя?

– Нет. Спасибо современной медицине. И ты это знаешь, а то, что меня так подкалывал твой отец, не даёт тебе права заниматься тем же, щенок.

Форсетти улыбнулся:

– Вы уже разобрались, что именно произошло?

Капитан покоящегося в доке крейсера кивнул:

– Мои тактики и операторы РЭБ всё ещё работают с симуляторами и записями боя. В любом случае наши системы ПРО оказались на одиннадцать процентов эффективнее, чем предполагали конструкторы.

– И всё равно они смогли провести к тебе две лазерные боеголовки.

Ответом было молчание. Форсетти уже не раз просматривал запись боя. Всё прошло как нельзя лучше. Капитан верденского эсминца поступил именно так, как сделал бы он сам на его месте. Раскидал автономные сенсорные платформы по вектору предполагаемого появления цели и уселся в засаде. Вот только им было невдомёк, что его «Крестоносец» занял выжидательную позицию на границе системы и медленно, словно призрак, следовал за верденским эсминцем с момента его появления. Первый залп нельзя было назвать удачным. Противник отчаянно маневрировал, а количество ложных электронных целей и помех, которыми излучатели систем РЭБ заполнили пространство, неприятно удивили капитана «Крестоносца».

Тем не менее из восемнадцати ракет к эсминцу не прорвалась ни одна. Четыре потеряли цель и сошли с курса, а ещё пять были сбиты противоракетными, запущенными с эсминца. Девять вошли в ближнюю зону ПРО, за которую отвечали кластеры лазерных излучателей. Её глубина составляла четыреста тысяч километров, и, чтобы её преодолеть и выйти на рубеж атаки, ракетам потребовалось восемь секунд. Ни одна не достигла цели, хотя последняя почти вышла на отметку в двадцать пять тысяч кликов, которые были необходимы ей для детонации, и была сбита за мгновение до того, как успела это сделать.

Форсетти прекрасно понимал, в чём его ошибка. Желая как можно дольше оставаться незамеченным, он приказал запустить ракеты с меньшим ускорением, чем должен был, рассчитывая этим скрыть излучение их двигателей. К сожалению, его план строился на том, что его целью будет корабль уже устаревшего класса, а не более современное судно с сенсорами и оборонительными возможностями, куда более мощными, нежели у его предшественника. Это была именно его ошибка, которую он тут же исправил, дав по противнику полный бортовой залп ракетами, с заложенной в них программой, которая отсрочила запуск двигателей.

Сделано это было для того, чтобы он успел тут же развернуть корабль другим бортом и разрядить в противника уже заряженные и подготовленные к стрельбе пусковые установки другого борта. Как только выпущенные снаряды настигли летящие в пространстве ракеты второго залпа, сработала программа, которая включила двигатели летящих по инерции ракет, превратив то, что должно было быть отдельными, разрозненными залпами, в единый и смертоносный ракетный вал. И в этот раз он уже не прятался. Его снаряды шли почти с максимально возможным ускорением, уменьшая тем самым время их нахождения в зонах ПРО противника.

Вот только верденский эсминец не собирался изображать из себя мальчика для битья, ответив огнём на огонь. Его ракеты были несколько быстрее, чем снаряды «Крестоносца», но их было в три раза меньше, а системы ПРО тяжёлого крейсера, с массой покоя почти в двести двадцать тысяч тонн, оказались куда более эшелонированными. Все ракеты эсминца были сбиты перехватчиками, даже не дойдя до ближней зоны перехвата. А затем собственный залп «Крестоносца», хоть и изрядно прорежённый противоракетным огнём противника, обрушился на эсминец. Из тридцати шести ракет к кораблю прорвались тринадцать.

Лазерные боеголовки начали рвать верденский корабль на части, и, вспоминая этот момент, Форсетти отдавал должное незнакомому верденскому капитану. Даже в такой ситуации тот не растерялся и смог повернуть эсминец, подставляя под огонь рассредоточившихся ракет ещё целые щиты. И успел дать залп из пусковых с уцелевшего борта. Никто не ожидал,

что из десяти направленных на крейсер ракет семьдесят процентов будут составлять птички РЭБ. Это неприятное открытие показало себя во всей красе, когда экраны операторов противоракетной обороны «Крестоносца» затопили помехи и ложные цели. Ведя беглый огонь, они смогли сбить шесть ракет. К крейсеру прорвались четыре, из которых две были платформами электронного противодействия и две – атакующими птичками.

Кулаки Вильяма сжались от воспоминаний, когда его корабль задрожал от попаданий, которые пробили щиты и раскалёнными спицами вгрызлись в броню его корабля. Но куда тяжелее ему было вспоминать то, что последовало дальше. Вздохнув, он прогнал из головы неприятные мысли и повернулся к Сергею:

– Как идут дела с ремонтом?

Начальник верфи выпустил колечко дыма в направлении стекла и простирающейся за ним безбрежной пустоты.

– Броню мы заменим в течение пары дней, – ответил он наконец. – Это не проблема. Композитных материалов у нас полно. А вот с другими повреждениями будет посложнее. Ты же знаешь, наша база тут временная. Мы испытываем некоторые трудности со снабжением и...

– Сергей, мне это прекрасно известно, тем не менее я хочу знать, что можно отремонтировать прямо сейчас.

Мужчина вздохнул и достал из кармана кителя небольшой ручной терминал. Нажав несколько кнопок, он вызвал в воздухе небольшое голографическое изображение крейсера, вокруг которого тут же появились строчки текста с перечислением повреждений.

– Как я уже сказал, броня не проблема. Две ракетные пусковые уничтожены полностью и не подлежат восстановлению. Также уничтожена одна энергетическая батарея и ещё две повреждены. Уничтоженную мы демонтируем и заменим, как только мои ребята полностью снимут повреждённую броню, а те, которые ещё на ходу, восстановим. С пусковыми хуже, но и там мы что-нибудь придумаем. Основная проблема – это сенсорные системы.

Сергей набрал нужную команду, и в воздухе появились строчки с необходимыми системами, которые требовали полной замены.

– Радарный и лидарный комплексы правой передней полусферы полностью уничтожены, и заменить нам их нечем. Я уже отправил сообщение о необходимости прислать всю секцию для замены целиком, но у курьера путь только в одну сторону займёт почти тринадцать дней, плюс путь обратно. Так что если они вышлют замену сразу, в чём я сильно сомневаюсь, она придёт только в конце следующего месяца. И это только в том случае, если наш запрос не засунут под сукно и сразу же выделяют требуемое. Плюс ещё неделя на установку и прокладку коммуникаций, которые придётся делать почти с нуля. Знаешь, эти ракеты оказались мощнее, чем я думал.

– Да, нас это тоже... удивило.

– Вильям, ты ведь понимаешь, что вместо запчастей курьер может доставить новые приказы?

Форсетти тяжело кивнул, глядя, как очередная повреждённая секция брони, снятая с крейсера, буксируется в сторону от корабля, чтобы не мешать работе.

– Приказы не обсуждаются, Сергей.

– Да, парень. Больше не допускай ошибок.

Вильям Форсетти покачал головой в ответ на эти слова:

– Не переживай. Их больше не будет.

Глава третья

8 марта 784 года после эры колонизации.

Траствейн, Прайден-сити

Яркие лучи полуденного солнца проникали в номер сквозь не до конца закрытое архаичными шторами окно. Том перевернулся на другой бок, чтобы спрятаться от льющегося с улицы света и тут же уткнулся лицом в мягкие светлые волосы. Рита лежала рядом с ним. Её обнажённая грудь, с которой сползло тонкое одеяло, поднималась и опускалась в такт спокойному дыханию. Стараясь не разбудить, Райн любовался спящей, не понимая, как же всё так у них вышло.

Разговор, завязавшийся во время посадки, из обычной болтовни как-то сам собой перерос в бесконечную череду обоюдных вопросов и ответов. Благодаря этому Том узнал, что Рита родилась на четвёртой планете Сигмы Орихалки, где росла вместе с двумя братьями и матерью. Девушка окончила общую программу образования и специализированные курсы, после чего смогла пробиться в лучший университет своей планеты. Когда она узнала, что открыт приём документов от желающих поучаствовать в программе обмена студентами с Прайденским астрофизическим, она едва ли не одной из первых подала заявку.

Том с улыбкой вспоминал, с каким смехом Рита рассказывала о том, как на протяжении трёх месяцев ждала ответа. Когда же тот наконец пришёл, она почти сутки просидела перед планшетом, не решаясь открыть файл, боясь узнать, что не прошла. А после были сборы, прощание с родственниками и долгий путь в Верден. Несколько пересадок на маршрутных лайнерах, и вот, двадцать девять дней спустя, она села в кресло челнока, который должен был доставить её к заветной цели.

А дальше были прогулки по городу и поездка в студенческий городок. Том вызвался сопровождать Риту. Отчасти он понимал, почему ему так хорошо с ней и почему они так легко сошлись. На протяжении последних двадцати лет главным в его жизни была мечта стать капитаном корабля ВКФ. И вот, когда, казалось, она уже исполнилась, его собственная глупость, помноженная на случайность, всё разрушила. Долгий путь, на котором он не отклонялся от своей заветной цели, окончился с пугающей внезапностью.

Сейчас, когда Том просто лежал в постели рядом со спящей девушкой, он снова и снова прокручивал в голове всё случившееся с ним. И вновь, и вновь приходя к ответу. Его отец был прав. Он стал слишком самоуверенным. Слишком гордым. Райн считал, что раз смог так быстро добиться желанной цели, то это была исключительно его заслуга. Молодой офицер даже не рассматривал варианта, в котором его продвижение по службе могло быть спровоцировано не признанием его личных достоинств, а всего лишь фамилией. Действительно ли успех слепил его? Заставил считать себя лучшим. Не способным допустить ошибку? Или же нет?

Возможно, он не был лучшим, но точно был близок к этому. Один из пятёрки первых на своём потоке в академии. Затем два года обычной кадетской службы и долгожданное получение звания энсина. За пятнадцать лет Томас Райн успел послужить на шести кораблях, на разных должностях и всегда старался делать свою работу идеально. Сейчас он уже готов был признать, что в какой-то момент стал принимать похвалы в свой адрес как должное... А что теперь? Отец был прав, когда назвал его «гражданским» человеком. Что ему здесь делать? Кроме отца и дяди, у него не было родственников. Все его друзья и знакомые были связаны с флотом. Случившееся не только вырвало его из привычной жизни, но и из привычного круга общения. А девушки...

Всё это время он не особо бегал за юбками. Были короткие романы и увлечения, но не более. Все они были подобны яркому пламени, которое ослепительно вспыхивало, но очень

быстро выгорало. Да и отношения эти носили в основном «местный» характер. Служба бросала его во всё новые места. И с каждым очередным переводом его новые отношения заканчивались, прерываемые очередным разрывом по «служебной необходимости». Даже сам Томас Райн не мог честно себе сказать, жалел ли он об этом хоть раз. И вот сейчас, когда он оказался свободен от службы и своего долга перед военной присягой на неопределённый срок, он впервые не знал, чем ему заняться.

Невыносимая тоска из-за утраты привычной жизни навалилась на него сразу, как он покинул госпиталь. Несколько недель в Бентонском флотском госпитале, где ему установили протез и где он проходил первые курсы управления им, позволили немного ослабить её. Тренировки, для того чтобы научиться правильно, а самое главное, точно контролировать и работать протезом, поглотили его так же, как в своё время это делали учёба, служба кадетом на его первом корабле и обязанности, что свалились на него, стоило лишь получить первое офицерское звание. Он накинулся на них подобно голодному зверю на кусок свежего мяса, заставляя себя тренироваться долгими изнурительными часами.

Но однажды и это закончилось. Медики признали его полностью здоровым, а процесс освоения протеза «удивительно быстрым» и недрогнувшей рукой выписали его. Флотский бот доставил бывшего командера с базы «Валикт» на мало уступающий ему размером гражданский системный терминал, который находился на другой стороне орбиты Траствейна. В конце концов, Том решил всё же последовать совету отца и действительно провести некоторое время на твёрдой земле, несмотря на то что безграничная пустота космоса была ему роднее. Там он взял билеты на гражданский челнок до столичного космопорта, ну а дальше...

Офицер ещё раз посмотрел на спящую девушку, удивлённый, почти поражённый её смелостью. Броситься в путешествие к незнакомому миру, в котором у тебя нет ни родственников, ни друзей, ни знакомых. Её это не остановило. В ней он разглядел нечто похожее на стальной стержень, который чувствовал в самом себе и который заставлял его идти, не сворачивая с выбранного пути, несмотря на тяготы, выпавшие по дороге.

Полежав ещё несколько минут, Том попробовал уснуть снова, но сон не шёл к нему. Тогда он встал и направился в душ, заказав перед этим завтрак в номер. Том вылез из просторного душа, который помог ему окончательно проснуться, когда в дверь номера деликатно постучали. Поблагодарив служащего отеля и забрав доставленную еду, он разместился за столом в гостиной и парой кнопок превратил огромное центральное окно комнаты в дисплей. На нём тут же включился главный планетарный новостной канал. Неспешно поглощая завтрак и запивая его горячим кофе, он вполуха слушал новости, когда из дверей спальни появилась Рита. Его взгляд скользнул по красивой фигуре, которую скрывали лишь нижнее бельё и одна из его футболок, которая была девушке явно велика.

– Доброе утро, – сонно пробормотала она, потирая глаза. – О, ты уже заказал завтрак!

– Ага... Садись, соня, я взял двойную порцию.

Рита опустилась рядом с ним и протянула руку. Том налил для нее в изящную фарфоровую чашку исходящий паром кофе. Рита поднесла чашку к губам, подула, не отрывая взгляда от очередного новостного выпуска, сделала глоток и даже зажмурилась от удовольствия. Офицер был рад, что она разделяет его любовь к этому хорошо приготовленному напитку.

– Какие у тебя планы на сегодня? – спросил он.

Рита лишь пожала плечами, поглощённая едой.

– Ну, после полудня мне нужно быть в студгородке. Сегодня заселение в общежитие и окончательное распределение студентов по обмену, так что мне лучше не опаздывать... А ты? Я просто не знаю, во сколько сегодня освобожусь.

– Не знаю, – спокойно ответил Том, налив себе ещё кофе. – Мне и заняться-то особо нечем. Скорее всего прогуляюсь по городу... Знаешь, я был в этой системе раз двадцать, но ни разу не спускался на планету.

Девушка, которая в этот момент расправлялась с яичницей, удивлённо посмотрела на него.

– Фто? – спросила она с набитым ртом. – Да лафно?

– Ты бы прожевала сначала, а то подавишься.

Проглотив наконец еду и запив её, она вновь с удивлением посмотрела на Тома:

– А как же увольнительные?

Том только пожал плечами.

– В первый раз, когда я попал сюда, я только-только получил звание энсина. И у меня было достаточно хлопот. А потом всё как-то не выходило. Периодически возникали дела и проблемы, которые необходимо было решить. Да и если честно, – добавил он немного подумав, – я никогда особо не рвался на поверхность.

– Знаешь, я ещё ни разу не встречала человека, который бы так безразлично говорил о твёрдой земле под ногами и столь восторгался бы космосом, как ты.

Том мягко улыбнулся.

– Что поделать... Считай это профессиональной деформацией.

Она хихикнула и быстро доела, очистив тарелку едва ли не до зеркального блеска.

– Слушай, а если серьёзно, чем ты собираешься заняться? Ты ведь теперь, по сути, гражданский человек. Если я правильно поняла, то ты не сможешь вернуться на службу ещё пару лет.

Его губы болезненно скривились, но он скрыл это, поднеся к ним чашку. Хорошо если «всего» пару лет...

– Я думал посетить сегодня офис «Сашимото индастриз». Их комплекс находится недалеко от Прайдена. Гражданские судостроительные компании часто нанимают старших офицеров флота, которые находятся в резерве, в качестве технических консультантов. Может, и мне повезёт. В конце концов, это всяко лучше, чем целыми днями слоняться без дела.

– Хочешь стать консультантом?

– Да.

– Хм.

Девушка задумчиво помешала кофе ложкой и отвлеклась на сюжет программы новостей, который был частично связан с работой университета, в котором она будет учиться.

* * *

Закончив завтрак, они оба оделись, продолжая непринуждённую болтовню. Покинув номер, Том с Ритой спустились в вестибюль отеля. Райн вызвал для девушки флаер, несмотря на все заявления Риты, что она и сама вполне сможет добраться до студгородка. Всё же он находился на расстоянии почти в четыреста километров от города. Тому не хотелось, чтобы девушка добиралась на общественном транспорте, да и деньги у него были. На флаере она доберётся в три раза быстрее, всего за сорок минут и с куда большим комфортом.

Сам же Том, в силу своей службы, привык к большим скоплениям людей, да и ему хотелось посмотреть на город. Так что, взяв билет на монорельс, который проходил рядом с местом его назначения, он устроился поудобнее в кресле и любовался сначала городом, а затем и природой планеты. Том не соврал Рите. Он действительно ещё ни разу не бывал на поверхности Траствейна, даже тогда, когда проходил двухгодичные курсы повышения квалификации, необходимые для получения звания лейтенант-коммандера. И сейчас он признал, что был не прав.

Траствейн слыл одним из двенадцати обитаемых миров Вердена и одним из самых красивых. Теперь Райн готов был засвидетельствовать это лично, озирая огромные равнины и величественные горы, пики которых выглядывали из-за горизонта. Стендальский горный хребет был одним из красивейших мест на планете, а самый высокий из шести его пиков, Раденхорт,

был на семь километров выше высочайшей из гор на прародительнице человечества Земле. К счастью, политика развития планетарной инфраструктуры не позволяла магнатам превратить планеты в сплошные заводы и рудники по добыче полезных ископаемых, которыми Траствейн был столь же богат, как и другие одиннадцать планет Вердена.

Выйдя на своей остановке, Томас Райн почти сразу же попал в плотный поток сотрудников верфи, которые спешили на работу. Вместе с ними он спустился со станции монорельса, найдя нужный выход. Перед ним открылся вид на поражающий своими размерами административный комплекс «Сашимото индастриз», самой крупной из гражданских верфей Вердена, хотя кораблестроительные заводы Леонида Терехова могли посоперничать с ними за это звание. Раскинувшийся почти на десять квадратных километров, комплекс напоминал Тому студгородок, в котором они с Ритой были несколько дней назад. Ему потребовалось почти полчаса, чтобы найти наконец нужное здание. Им оказалась одна из семидесятипятиэтажных башен, которые возвышались в самом центре комплекса, окружённые паутиной из эстакад. Поднявшись по широкой каменной лестнице, он вошёл в роскошно обставленное и просторное фойе и подошёл к стойке. За ней сидели несколько сотрудниц компании, одетых в одежду в светлосиних тонах «Сашимото». Стоило ему подойти, как одна из них моментально повернулась к нему с дежурной улыбкой на губах.

– Добрый день, чем можем вам помочь?

– Здравствуйте! С кем из отдела кадров судостроительного филиала я могу поговорить?

Взгляд девушки стал более серьёзным и заинтересованным.

– Могу ли я узнать тему вашего разговора?

– Я хочу предложить свои услуги в качестве консультанта. Я офицер ВКФ и сейчас временно выведен за штат. Хотелось бы узнать о возможности заключения временного контракта.

Девушка окинула его взглядом, и Тому показалось, что ему стоило бы подробнее рассказать о своём прошлом, как выражение её лица изменилось.

– Скажите, есть ли у вас предварительная договорённость? – осведомилась она.

– Нет, я недавно прибыл на планету.

Сотрудница компании опустила взгляд, и её пальцы с неестественной скоростью запорхали над виртуальной клавиатурой.

– Хорошо. Заполните, пожалуйста, эти документы. – Девушка протянула ему тонкий планшет, на экране которого сиял логотип компании в виде белого силуэта земного журавля на фоне красного диска планеты. – И ещё мне потребуется право на доступ к вашему личному делу для подтверждения информации. Я передам его в отдел кадров. Мы всегда рады видеть у себя офицеров нашего флота, – добавила она с улыбкой.

Предоставив необходимые коды доступа к личному делу, чтобы сотрудница могла проверить его данные, Том взял планшет и прошёл к одному из множества диванов в огромном холле. Стоило ему присесть и начать заполнять данные, как ему тут же принесли кувшин воды со льдом и бокал. Том принялся заполнять данные анкеты. Он почти справился с задачей, когда услышал:

– Ну здравствуй, контр-адмиральский сынок!

Вспыльчивость никогда не была характерной чертой Тома, но стоило последним словам слететь с губ незнакомца, как бывший лейтенант-коммандер уже был на ногах, а правая рука его сама собой сжалась в кулак. Но через несколько секунд, которые ему потребовались, чтобы опознать незнакомца, Райн уже сжимал его в приветственных объятиях. Правда, о желании дать наглецу в морду Том всё же не забыл, решив отложить это на потом.

– Чёрт! Дэнни, как же я рад тебя видеть!

Старый друг хлопнул его по плечу, и, закончив с приветствиями, оба уселись на диван.

– И я, Том, – ответил тот с усмешкой. – Ты здесь какими судьбами?

Райн указал кивком головы на лежащий на столе планшет:

– Заполняю документы для устройства на работу.

Приятель с изумлением вытаращил глаза. Пришлось Тому поведать историю своего «падения». Хорошо хоть Даниэль Нерроуз выслушал его молча и в конце лишь сокрушённо покачал головой.

– Сочувствую. Но думаю, ты поступил верно. Не прислушайся ты к советам своего инженера и не отключи реактор от сети, он мог бы пойти в разнос и потянуть за собой каскадным эффектом всю энергосистему корабля вместе с основной энергоустановкой. Готов поспорить, что скорее всего это ошибка в программном обеспечении, потому что механики на верфи увидели бы механические дефекты при установке реактора.

– Всё возможно. Сейчас уже нет смысла гадать. СКДФ старается докопаться до правды, так что в итоге мы узнаем, что именно произошло.

Том был благодарен Нерроузу за то, что тот не стал говорить, что думает на самом деле. Вместо этого Дэнни тактично указал на протез:

– Это случилось тогда же?

Райн кивнул, и лицо Дэнни скривилось, словно от боли.

Том присмотрелся к своему старому другу. Даниэль Нерроуз был уроженцем Галахада – столичной планеты Вердена. Высокий, почти на голову выше Тома, он имел плотное телосложение, которое, судя по всему, продолжал поддерживать тренировками, короткие, по-военному подстриженные светлые волосы, нос с небольшой горбинкой и глубоко посаженные глаза. Дэнни выглядел почти таким же, каким его запомнил Том во время своей учёбы в академии флота. Когда он поступил на первый курс, Нерроуз уже получил звание энсина и проходил стажировку на лейтенантских курсах. Они познакомились совершенно случайно.

В тот памятный вечер Райн наконец поддался уговорам своих однокурсников. Они завалялись в один из баров, вывесками которых пестрели городские улицы, окружавшие академию. Когда у него кончилось пиво, он решил пройти до барной стойки, чтобы повторить заказ. Узнав об этом, его товарищи попросили заодно наполнить и их кружки. Так что назад пришлось возвращаться с довольно увесистым подносом, на котором помимо его кружки стояли ещё пять. И всё бы хорошо, не споткнись он о чью-то ногу. Плавно, почти изящно, поднос со всем содержимым обрушился на троицу сидящих за столиком молодцов в форме с нашивками космической пехоты. Чем весьма их опечалил. Настолько, что Том не успел и глазом моргнуть, как молодцы окружили его.

Увидев их лица, молодой пилот понял, что простыми извинениями не отделается. Он уже приготовился к драке, когда одного из молодцов мягко похлопали по плечу, и, когда тот повернулся посмотреть, кто бы это мог быть, мощный кулак обрушился на его челюсть, отправляя несчастного пехотинца в долгий нокаут. Завязалась драка, к которой постепенно стали подключаться представители всех родов войск, наполнявшие помещение бара тем чудесным вечером. И Томас Райн принял в ней самое непосредственное участие. Кому-то врезал, от кого-то получил. В общем, случился старый добрый мордобой. Но лучшим моментом того вечера стал стул, который он обрушил на голову противника своего недавнего спасителя.

Затем был суматошный побег из заведения и сумбурное петляние по улочкам и переулкам. Главное – было убраться как можно дальше, покуда не подспела вызванная хозяином заведения военная полиция. Здоровяк, который отправил космопеха в нокаут, оказался Даниэлем Нерроузом. Несмотря на разницу в возрасте, они с Томом стали лучшими друзьями. Правда, прошло уже восемь лет, когда они виделись в последний раз.

– Слушай, а ты-то что здесь делаешь? В отпуске?

– Нет, Том. Какой там отпуск. Я ушёл со службы почти тогда же, когда мы расстались.

– Стой, что?

– Да, вот так бывает.

– Но ты же в форме!

На Дэнни и в самом деле был чёрно-серый форменный костюм, состоящий из брюк и кителя. Он очень напоминал форму ВКФ, только без флотских знаков различия. Лишь на правом плече была одинокая круглая нашивка с чёрным драконом, сжимающим в пасти клинок меча.

– Я теперь вольный стрелок, дружище. Давно уже.

– Частный военный флот?

– Да, мы сейчас... – Он вдруг поморщился, достал из кармана личный терминал и ответил на звонок:

– Нерроуз!.. Да, я понял... Сейчас буду.

Он отключил звонок и вновь обернулся к старому другу, на лице его появилось задумчивое выражение.

– Так, значит, тебя теперь выкинули на волю, так?

Райн развёл руками.

– Не совсем так. Но в общем ты прав. Мне предстоит дожидаться решения следственной комиссии...

– Но из-за контр-адмирала Райна вряд ли это дело будет простым и быстрым, – закончил за него Даниэль.

– В точку!

– Понятно, – протянул Нерроуз и посмотрел на свой комм, который всё ещё держал в руке. – Слушай, Том, я очень рад с тобой вновь увидеться. Если ты не против, я хотел бы встретиться с тобой вечером. Ты не занят сегодня после семи?

Том лишь покачал головой:

– Нет, чего у меня теперь в избытке, так это свободного времени.

– Отлично, давай я тебе пришлю адрес?

Томас дал ему номер своего комм, и они попрощались. Он ещё несколько секунд смотрел на удаляющегося друга и, вздохнув, вернулся к заполнению документов на планшете.

Глава четвертая

Там же.

Вечером того же дня

Том наконец нашёл заведение, которое было указано в сообщении Даниэля. Не сказать, что это было слишком уж трудно. Заведением оказался роскошный ресторан в одной из башен в самом центре Прайдена. Ресторан «Закатный луч» находился практически на самом верху башни «Королевский Кору», на высоте почти полутора километров от земли. Пускай она была не самой высокой в городе, проигрывая двенадцать этажей зданию главного административного комплекса города, но она находилась значительно западнее её. И когда двадцативосьмичасовой день Траствейна клонился к вечеру, именно из этого места в столице можно было увидеть последние лучи заходящего за горизонт солнца и насладиться прекрасным видом заката.

Поднявшись на триста шестьдесят два этажа вверх, Том покинул лифт. Ресторан располагался на открытой площадке, и чтобы не подвергать своих посетителей опасности и различным неудобствам, которые могла бы им доставить разбушевавшаяся непогода, вся площадка находилась под прозрачным куполом с широкими обзорными панелями. Сделанные из особого полимера, они обладали практически идеальной прозрачностью и позволяли полюбоваться зрелищем, ради которого самые богатые люди в городе выстраивались в очередь в этот ресторан.

И тут до Райна дошло, что он совершенно не соответствует завсегдатаям этого места. Несмотря на то что на часах было всего шесть часов вечера и до заката ещё было не меньше пяти часов, ресторан был заполнен почти полностью. Мужчины в дорогих костюмах и женщины в великолепных платьях от-кутюр заполняли площадку, пробуя изысканные блюда, которые предлагали одни из лучших кулинарных мастеров Вердена. Говорят, что хозяин сумел сманить даже шеф-повара самого президента после одной из личных встреч с ним.

Несколько человек обратили внимание на неприятную кожаную куртку и удобные, но потрёпанные штаны со множеством карманов, которые остались у Тома ещё со времён службы. Эту простую и удобную одежду он носил, помимо военной формы, на протяжении последних двадцати лет своей жизни. Не обращая внимания на неодобрительные и насмешливые взгляды, Райн прошёл прямо к мажордому ресторана и представился. В своём сообщении Дэнни сказал, что они будут ждать его здесь. Проверив записи, безукоризненно одетый мужчина элегантно кивнул и вежливо попросил следовать за ним. Он провёл его в дальнюю часть площадки, которая была отгорожена матовыми панелями с отдельным входом. Повернув старинную бронзовую ручку и открыв дверь, мажордом жестом пригласил посетителя внутрь.

– А вот и он, – услышал он голос приятеля. – Ровно в шесть, как я и говорил... Том, ты так и остался пунктуальным занудой.

«Пунктуальный зануда» оказался в небольшом отдельном кабинете. Таких было в ресторане всего несколько, и они предоставляли посетителям известную степень уединения. Одну из стен занимала огромная прозрачная панель, открывая головокружительный вид на раскинувшийся внизу город. За круглым столом сидели двое. Увидев вошедшего, незнакомец грузно поднялся с кресла и протянул ему руку:

– Мистер Райн, приятно познакомиться! Меня зовут Лестер Мэннинг. Капитан Нерроуз много рассказывал о вас.

Том с улыбкой пожал ему руку.

– Уверен, что больше половины – это выдумки, сэр... Рад с вами познакомиться.

– Присаживайтесь, мы заказали лёгкий обед, пока ждали вас. Надеюсь, вы не против рыбных блюд?

– Буду только рад.

– Ну и замечательно... Тёмное пиво, правильно?

Райн усмехнулся, поглядев на своего друга.

– Я вижу, Даниэль многое обо мне рассказал.

– Скажем так, одной из неотъемлемых особенностей моей профессии является сбор полезной информации, а капитан Нерроуз лишь предоставил мне ваше краткое описание. Знаете, вы похожи на своего отца в молодости.

Это заявление удивило Тома, и он по-новому взглянул на сидящего перед ним человека. Не очень высокий, примерно одного с ним роста. На вид лет сорок пять – пятьдесят, но в эпоху, когда биологический возраст людей, прошедших курсы клеточной регенерации и омолаживающей терапии, мог достигать двухсот – двухсот пятидесяти лет, внешний вид ни о чём не говорил. Начавшие сесть на висках волосы были аккуратно и коротко подстрижены, а коренастой фигурой Мэннинг напоминал боксёра-тяжеловеса. Одетый в такую же чёрную форму, что и Дэнни, он не просто носил её. Обычно это было свойственно строевым офицерам флота, которые командовали кораблями. Они носили свою форму, будто доспех, словно она была для них бронёй, подобно щитам гиперпространственного корабля. Собеседник Райна заметил его взгляд и, улыбнувшись, поднял бокал белого вина в немом тосте.

– О да, тот самый Виктор Райн, который теперь имеет чин контр-адмирала, – продолжал Мэннинг. – Простите, но для меня он всегда останется сопливым курсантом. Наверное, отец не рассказывал вам о временах своей учёбы в академии на Тендрисе?

– Нет, он чаще отшучивался, когда его спрашивали о годах, проведённых там. По его словам, это больше всего было похоже на смесь ада и страны чудес.

Его собеседники переглянулись и засмеялись. Их можно было понять. Всякий, кто учился в академии, мог подтвердить, что описание, данное Райном-старшим, было чрезвычайно... точным. Время, проведённое в её стенах, действительно было очень трудным, но в то же время невероятно интересным.

Мэннинг сделал глоток вина и поставил бокал на белоснежную скатерть.

– Да, это весьма похоже на него, – произнес он. – Хочу отметить, что я был очень рад, когда шесть лет назад услышал о том, что его произвели в контр-адмиралы. Он как никто другой заслуживает это звание. То, как он решил проблему на Сфертере... – Мэннинг поднял свой бокал в импровизированном салюте... – заслуживает восхищения.

Том кивнул и приподнял свою кружку с тёмным пивом в ответном жесте.

– Да, это действительно был один из наиболее ярких моментов его карьеры.

– Что правда, то правда. Это была непростая ситуация. Для всех нас...

Открылась дверь, и вошли несколько официантов с блюдами. Они молча прошли в комнату и быстрыми, аккуратными движениями сервировали стол, поставив перед каждым белоснежную тарелку, накрытую серебряной крышкой. Закончив, они удалились столь же тихо, как и появились.

Протянув руку, Лестер Мэннинг поднял крышку и отложил её в сторону. На тарелке перед ним лежал запечённый представитель местной океанической фауны в окружении приготовленных на гриле овощей.

– Траствейнский лунный карп. Поверьте, Райн, это потрясающее блюдо.

И тут, же приступил к трапезе, предварительно взяв с отдельного блюда порезанный на ломти лимон и щедро полив его соком рыбу. Последовав его примеру, Том, к своему удовольствию, убедился, что новый знакомец прав. Чуть островатое нежное мясо таяло во рту, оставляя после себя приятное послевкусие, а поданные к нему в качестве гарнира овощи прекрасно дополняли основное блюдо.

На некоторое время в кабинете воцарилась тишина, прерываемая лишь похвалами в адрес шеф-повара.

– Дэнни, я всё хотел спросить, что ты делаешь на Траствейне, – насытившись, задал мучивший его вопрос Томас.

Его друг отложил в сторону нож и вилку и взял бокал с пивом.

– Работа, дружище... Мы подписывали небольшой контракт. Верфи «Сашимото» должны поставить нам двенадцать новеньких грузовых челноков и несколько упрощённых версий флотских ботов класса «Морской ястреб».

Том от удивления присвистнул. Об этих ботах он уже слышал. «Морские ястребы» были одной из последних модификаций ударных десантных челноков во флоте Вердена. Они отличались повышенной защитой и скоростью, и тот факт, что гражданская верфь, которая, правда, и спроектировала эту модификацию, предлагала пусть и изменённый, но всё же проект флотской техники сторонним организациям, немало удивил его. С другой стороны, «Ястреб» использовался не только на флоте. Разнообразное количество его несколько более простых модификаций должны были стать рабочими лошадками в подразделениях полиции и различных чрезвычайных службах.

– Это очень хорошие птички, Дэнни. Вам повезло с ними.

– А то мы не знаем... У нас на некоторых кораблях до сих пор в шлюпочных отсеках стоят челноки типа «Минотавр». Нет, это хорошие машинки, но слишком уж конструкторы намудрили с ними. Вроде могут всего понемногу, но ни для чего не подходят идеально.

Райну-младшему оставалось только согласиться. Почти четверть века назад Адмиралтейство разместило заказ на новый тип десантно-штурмовых судов. В тендере победил проект, который впоследствии получил наименование «Минотавр». Идея заключалась в том, чтобы каждый бот подстраивать под определённую задачу. При доставке на поверхность солдат к нему присоединяли специальный отсек для перевозки пехоты. При операциях, где была необходима огневая поддержка, десантный отсек заменялся разнообразными оружейными модулями. И так далее. Сама по себе модульная компоновка на бумаге выглядела перспективно. Можно было иметь одно судно для большого количества задач, но на деле это оказалось бюрократическим монстром, которого исторгло из себя бюро поставок.

Когда «Минотавры» стали поступать на вооружение, тут же возникли проблемы. Наверное, за всё время службы этой модели ни на одном имеющем их корабле ни разу за всё время не было полного комплекта модулей. Бесконечные проблемы с поставками комплектующих и множество «детских болезней», которые проявились в ходе эксплуатации, привели к тому, что проект был свёрнут, а доктрина применения малых судов вернулась к концепции более узкоспециализированных, но всё же куда лучше подготовленных к своим задачам кораблей.

Том протянул кружку, и его собеседники ударили по ней своими, отметив удачный контракт.

– Кстати, Том, как у тебя прошли дела в «Сашимото»? – спросил его Нерроуз.

– Так себе, – ответил Райн и скривился. – Они рассмотрели моё личное дело, после чего у меня состоялся довольно длительный разговор с представителем отдела кадров. Они были крайне вежливы, когда сообщали мне, что в данный момент не нуждаются в моих услугах.

– Проклятье. Сочувствую, Том.

Странно, но сочувствия в его голосе бывший лейтенант-коммандер не услышал. Лишь лёгкое нетерпение.

– Но если быть честным, я знал, что они тебе откажут. – Нерроуз развёл руками, словно извиняясь за резкость сказанного. – Посуди сам, ты офицер на половинном жалованье, который был выведен за штат после предварительного решения следственной комиссии. Один только этот факт с лёгкостью закрыл бы тебе дорогу на их верфи, пусть даже и в должности консультанта. Они считают, что если флот тебе не доверяет, то почему тебе должны доверять они?

Том открыл было рот, чтобы ответить, но тут же закрыл его. Даниэль был прав. Так что ему не было смысла как-то оспаривать его слова.

– Не переживай, уверен, что мы сможем помочь тебе с этой проблемой.

Райн скептически поднял бровь, посмотрев на него.

– Дэнни, спасибо, конечно, я польщён, но...

Нерроуз перервал его, подняв ладонь:

– Том, ты не понял. Мы не собираемся помочь тебе получить работу. Мы сами предлагаем тебе её.

Офицер нахмурился.

– Не понял...

Нерроуз посмотрел на своего старшего товарища. Вздыхнув, Лестер поставил бокал, который всё это время катал в пальцах, и, опершись локтями на стол, чуть наклонился вперёд.

– Томас, я хочу предложить тебе контракт в нашей организации. Нерроуз рассказал мне о том, что с тобой случилось. Я же, в свою очередь, воспользовался старыми связями и смог вытащить все материалы СКДФ и твоё личное дело.

Глаза бывшего лейтенант-коммандера сузились, когда он посмотрел на Мэннинга.

– Вы копались в моих файлах?! Это незаконно!

– Скажем так, это цена, которую я готов был заплатить за своё любопытство. Хочу отметить, что был приятно удивлён тем, что увидел. Касательно моего предложения. Это стандартный контракт. Ты поступишь на службу в мою организацию на срок в два года с возможностью последующего продления контракта. Будешь получать зарплату, и если покажешь себя достойным и профессиональным кадром, то и карьерный рост.

– Но разве это...

– Это частная военная организация. По сути, мы военные подрядчики, к различным услугам которых часто прибегают компании и государства, не способные или же не желающие создавать собственный флот. Охрана конвоев, обучение специалистов, консультативная работа и защита. Мы выполняем широкий спектр заказов. Порой мы работаем и на территории Вердена, но в основном наши заказчики из стороннего пространства. СНП, независимые моносистемные государства, даже порой отдельные страны.

Том некоторое время молчал, прежде чем ответить. Он просто не знал, что сказать. В его голове мысли мелькали одна за одной, сменяя друг друга, как вспышки стробоскопа. Очевидно, заметив его внутренние терзания, Мэннинг решил прояснить ситуацию:

– Должность капитана корабля ты не получишь. Даже старшим помощником не будешь. Хотя капитан Нерроуз и предлагал сдать тебя к нему на попечение в этой должности. В данный момент на одном из моих кораблей, «Фальшионе», вакантно место тактика. Я бы хотел предложить тебе эту должность. Твои оценки по этому предмету в академии и высших тактических курсах говорят сами за себя. И если ты хотя бы вполтину хорош так же, как твой отец, я буду рад получить к себе такого человека.

– Мистер Мэннинг, сэр, это очень... неожиданное предложение, но, даже будучи выведенным за штат, я всё ещё являюсь офицером Верденского космического флота. Я не могу просто так взять и поступить на службу в частную военную организацию.

– На самом деле – можешь. Прецеденты, благо, имеются. Верден часто одалживает своих офицеров на половинном жалованье в качестве временных служащих во флоты других государств. Также они выполняют огромное количество заказов консультативного характера во множестве государств. Даже у нас служит несколько «бывших» офицеров, о которых их флоты забыли по определённым причинам. Звёзд они с неба не хватают, но являются хорошими и надёжными людьми, а именно такие мне и нужны.

В комнате повисло молчание. Мэннинг смотрел на него немигающим взглядом, и Тому стало немного неловко... ровно до того момента, как он осознал, что это его возможность вернуться назад. Пускай и не так, как он хотел, но всё же. Он всегда чувствовал себя на поверхности планеты неловко, словно не в своей тарелке. Это ощущение мгновенно пропадало, сто-

ило ему вернуться обратно в космос. И теперь, когда у него отобрали крылья, появился шанс вернуть их обратно. Хотя бы частично. Разве, в конце концов, не лучше ли будет ухватить кусочек мечты, чем смотреть на неё, не имея возможности дотянуться рукой, особенно если уже однажды к ней прикоснулся?

– Мне нужно подумать, – наконец произнёс он.

* * *

После разговора с Дэнни и его шефом Тому нужно было некоторое время, чтобы переварить разговор. Он отказался от предложения подбросить его до отеля и решил пройти пешком, в результате Рита вернулась в номер раньше его. Весь вечер он слушал её рассказы о студенческом городке и общежитии, в котором девушке уже выделили комнату, слушал – стараясь не терять нить её рассказа, но мысли его раз за разом возвращались к разговору в ресторане.

– Эй, Том... – Рита наклонилась к нему, заведя пальцами за ухо прядь светлых волос. – Ты какой-то странный сегодня... Всё хорошо?

– Д-да. Вроде – да.

– Слушай, я же совсем забыла спросить, как прошла твоя поездка?

Райн лишь пожал плечами и отхлебнул пива из бутылки, которую сжимал в правой руке. Левой он пока не до конца доверял и все хрупкие предметы брал только в правую.

– Мой день прошёл... Скажем так – любопытно.

И Том рассказал Рите о своей поездке в «Сашимото» и о последующей встрече с Нерроузом и Мэннингом. А ещё и о предложении, которое они ему сделали.

– И что ты думаешь? – спросила она его, внимательно смотря на него с другой стороны разделявшего их стола.

– Я... если честно, я не знаю, – наконец ответил Том. – Это было очень неожиданно.

Рита чуть наклонила голову.

– Выходит, ты ещё ничего не решил, да?

– Можно сказать и так.

Ненадолго в гостиной номера повисла тишина. Рита взяла со стола бокал с красным вином, которое им подали на ужин, и сделала глоток.

– А чего ты хочешь на самом деле? – наконец спросила она.

Райн-младший хотел ответить, что больше всего на свете ему хочется вернуться обратно на мостик «Мастифа». Изменить принятое им самим решение. Всё переиграть. Но правда была такова, что уже ничего нельзя было изменить. Глупое решение, продиктованное его собственной самоуверенностью. Его ошибка стоила другим людям жизни. В отличие от него, у них больше не будет будущего. А теперь Мэннинг предложил ему вернуться обратно на мостик. Пускай не капитаном. Не старшим помощником. Обычным тактическим офицером. Но это означало, что он вновь обязан будет принять на себя ответственность. Сможет ли он сделать это и не совершить другой ошибки? Ещё более страшной? Всего два месяца назад Томас Райн согласился бы не задумываясь. Но сейчас... сейчас у него было слишком много свободного времени. И он раз за разом обдумывал случившееся, перебирая в памяти все детали произошедшего на «Мастифе». И эти мысли, казалось, съедали его, медленно подтачивая его уверенность в себе. А ещё были кошмары. Но об этом он не собирался говорить ни с кем другим. Тем более – с Ритой. Отец был прав. Порой призраки требуют куда более суровую плату, чем живые.

Том настолько погрузился в свои мысли, что не сразу услышал заданного вопроса:

– Так чего же Томас Райн хочет на самом деле?

Глава пятая

Звёздная система Союза Независимых Планет Абрегадо.

16 марта 784 года после эры колонизации

Рик Брайтли сидел в своём кресле. Он уже почти двадцать минут выслушивал поток жалоб, который изливал на него государственный представитель СНП, по совместительству – младший сын губернатора.

Рик прибыл в систему Абрегадо всего три дня назад, но надменность и спесивость этого мелкого ублюдка уже начинала выводить его из себя.

– Господин Брайтли, мы в очередной раз вынуждены выразить вам своё недовольство. Как я уже сказал ранее, наше правительство, в том числе и лично мой отец, недовольны тем, как ваш флот занимается защитой наших систем от угрозы пиратства.

Брайтли вздохнул.

– Франциско, как я уже отмечал, наш флот не занимается защитой «ваших» систем, – сказал он. – В задачу кораблей ВКФ входит защита гражданского судоходства, с чем, я должен заметить, они прекрасно справляются. Что же касается ситуации с набегами преступных элементов на «ваши» системы, то здесь мы ничего не можем поделать. В данный момент силы нашего флота сильно распылены по пространству. Тем более что вы сами ограничили общий тоннаж наших кораблей, объясняя это тем, что присутствие большого количества военных кораблей другого государства может негативно повлиять на ваш суверенитет.

– Господин Брайтли, я должен в очередной раз заявить, что правительство СНП вынуждено требовать от Вердена, чтобы его капитаны проявляли больше внимания нашим обитаемым системам. Пираты являются общей угрозой для всех нас. И вот, когда мы разрешили использовать наши транспортные маршруты для ваших судов, попросив взамен лишь защиту, вы говорите, что не обязаны выполнять свои обещания?

Рик внутренне взвыл. «Лишь защиту». Да, как же. А что насчёт дополнительного снижения тарифов на перевозки? Но сказал он отнюдь не это. Всё же быть дипломатом было весьма не просто. Как сказал один древний поэт, тяжело смотреть на губы, которые нельзя поцеловать. Глядя на самодовольное лицо этого мерзавца, Брайтли, пожалуй, изменил бы эту фразу. Тяжело смотреть на человека, которому нельзя дать в морду.

Он заставил себя успокоиться.

– Но вы же сами не дали нам разрешения на аннексию NG-249 для создания базы в вашем секторе. Если бы вы позволили нам сделать это в прошлом году, как мы и про...

Франциско прервал его, резко покачав головой:

– Нет! О создании вашей военной базы на нашей территории не может быть и речи. Суверенитет Союза Независимых Планет – это то, что объединяет нас и делает восходящей звездой в обитаемом космосе. Наше государство является собранием свободных и, что самое важное, независимых миров. Размещение иностранных сил в нашем пространстве, неминуемо поставило бы наш собственный суверенитет и тщательно оберегаемую независимость под угрозу.

«Нет, – подумал Рик. – На самом деле вы просто разлагающийся труп, в котором постоянно копошатся трупные черви. И теперь вы жалуетесь на врача, за то что он не помогает вам, хотя сами же его в дом и не пустили...»

– Поэтому мы опять вынуждены требовать, чтобы ваши капитаны уделяли больше внимания нашим системам. В конце концов, только благодаря нашим торговым льготам ваша торговая империя процветает.

– Франциско, я несколько не уверен, что обсуждение торгового аспекта данной проблемы является определяющим в этом вопросе. Всё же наши торговые суда также выполняют значительную долю и ваших трансферов между системами СНП.

Брайтли знал, что он прав. Открыв свои гиперпространственные маршруты для торговых компаний Вердена, Союз, по сути, загубил на корню своё коммерческое судоходство, с годами всё больше и больше перекладывая перевозки на плечи верденских компаний, что было не удивительно. Верден обладал куда более мощным торговым флотом, чем СНП когда-либо мог себе позволить. Но поскольку верденское правительство не было заинтересовано в развале экономики сектора, оно старалось не «выдавливать» своих конкурентов с этого рынка, используя территорию СНП из-за их торговых маршрутов, связывающих Верден и пространство Земной Федерации.

Тем не менее, учитывая, что каждая система союза, по сути, находилась на попечении местных властей, то уже через десять лет количество контрактов, которые местные фирмы перекладывали на плечи верденских фрахтовиков, выросли на шестнадцать процентов. Это было ожидаемо. Верденские суда были быстрее, надёжнее и вмещали больше груза, поэтому не было ничего удивительного, что с каждым годом количество контрактов росло, что, в свою очередь, поставило многие местные частные компании по перевозке грузов на грань банкротства. Они просто не получали заказов и, соответственно, денег за них, для того, чтобы оплачивать содержание своих судов. И постепенно, хотя и совершенно не желая этого, верденские торговые суда стали доминировать на просторах СНП. Сейчас уже нельзя было зайти в систему союза и не встретить там корабль под верденским флагом, принадлежащий «Сашимото индастриз» или столь же крупному Торговому картелю Терехова.

Но была и обратная сторона монеты. Другой острой проблемой стало пиратство. На просторах Союза, который включал в себя девяносто шесть звёздных систем, никогда не было такого понятия, как объединённые армия и флот. Все силы правопорядка были представлены так называемой Гвардией Союза, которая в теории должна была спонсироваться из ассигнований, предоставляемых каждой системой. Хорошая задумка, которая должна была обеспечить Союз собственными вооружёнными силами, в итоге превратилась в разношёрстное сборище кораблей, приобретённых где попало.

Ещё хуже дела обстояли с финансовой стороной этого вопроса. Коррупция пустила свои корни почти в каждом аспекте этого бюрократического ада, который они гордо именовали «истинно демократичной правительственной системой». Деньги утекали бурными реками из финансовых фондов и пропадали, оседая на личных счетах тех, кто оказался достаточно умён и недостаточно благонадёжен. И в особенности это касалось местных вооружённых сил. Был случай, когда один из планетарных губернаторов сумел сколотить под своим командованием достаточно серьёзную силу. Целую лёгкую ударную группу, если быть точным. Шесть линейных крейсеров и корабли прикрытия. Почти двадцать боевых кораблей с экипажами и частями материально-технического обеспечения. Такая сила могла бы полностью обезопасить близлежащие системы от практически любой угрозы местного значения. Если бы не одно «но». Эти корабли, как и их экипажи, существовали исключительно на бумаге. Планетарный губернатор каждый год получал довольно нескромное финансирование для своего «бумажного тигра», и не нужно быть гением, чтобы понять, куда именно уходили деньги.

– Также, – тщательно контролируемым и спокойным голосом произнёс Брайтли, – я хочу отметить, что в условиях наших дипломатических противоречий с Рейнским Протекторатом мы не можем выделить больше кораблей для охраны «ваших» систем. И мне кажется, что вы переоцениваете угрозу, исходящую от этих преступников.

– У них есть корабли, господин Брайтли, – тут же парировал Франциско, – и оружие. Они жестоки и беспощадны. И если говорить откровенно, мне кажется, что ваши капитаны не так хороши, как вам кажется.

«Чёртов напыщенный ублюдок».

– Франциско... – Рик глубоко вздохнул, чтобы постараться успокоиться и не сказать лишнего. – Я уверен, что уже присутствующих в «вашем» пространстве кораблей более чем достаточно. А в профессионализме наших капитанов вы можете быть уверены...

– А как же ваш эсминец?

– Какой эсминец?

На лице его собеседника расплылась мерзкая улыбка от осознания, что он знает что-то такое, что не известно его оппоненту. От этого зрелища в желудке у верденца словно ледяной ком образовался.

– Ну как же, господин Брайтли! Ваш доблестный эсминец, капитан коего позволил себе попасться на наживку обычного пирата, который прикинулся грузовым судном и, подойдя поближе, уничтожил эсминец ракетами.

Рик удивлённо моргнул. Он даже не понимал, о чём именно идёт речь.

– Когда это было? Где?

– Около месяца назад. В этой самой системе.

Рик шокированно смотрел на Франциско.

– Около месяца?! – Брайтли едва ли не вскочил. – Вы знали об этом целый месяц и молчали? Что с выжившими? Они есть?

– К сожалению, когда наши корабли подошли к месту... схватки, пиратский корабль уже успел скрыться. Наши люди нашли обломки вашего корабля. К сожалению, спасшихся с него не было. А что касается предыдущего вопроса, то нам нужно было провести собственное расследование, чтобы понять, как ваш brave капитан попался в столь глупую ловушку.

– Моё правительство будет требовать все материалы, связанные с этим делом. Все записи сенсоров и сопут...

– Вы её получите, – кивнул Франциско. – После того, как наши люди закончат расследование. А сейчас прошу меня простить. У меня назначена встреча с другим дипломатическим представителем. Ещё раз прошу меня простить.

Брайтли поднялся с кресла и на негнущихся ногах прошёл к выходу, осмысливая ситуацию. Он был настолько поглощён этим, что не сразу обратил внимание на двух человек в приёмной, которых Франциско встретил словно старых и близких друзей. И если на мужчину в гражданском костюме Брайтли почти не обратил внимания, то его компаньон заставил его замереть, чуть-чуть не споткнувшись. Незнакомец был одет в военный мундир серого цвета с кроваво-алой окантовкой – в форму флота Рейнского Протектората.

– О, господин Верль, капитан Форсетти. Очень рад, что вы пришли. Проходите в мой кабинет, где мы сможем, наконец, обсудить интересующие вас вопросы...

Глава шестая

Место и время – те же

Вильям сдерживал себя сколько мог. Всё время, которое он провёл в кабинете этого напыщенного ублюдка, выполняя роль безмозглого дуболома, ему хотелось взять эту мразь за горло и сдавить, наблюдая, как жизнь по капле будет покидать его. Лишь дисциплина, вбитая в него годами военной службы, позволила сохранять спокойствие, изредка посмеиваясь над шутками, которые казались хозяину кабинета невероятно смешными.

Когда встреча закончилась, Форсетти и Верль покинули офис, уверив представителя Союза Независимых Планет в вечной дружбе и своём уважении. После чего спустились на несколько этажей вниз, где на отдельном, поддерживаемом пилонами выступе здания была размещена посадочная площадка для флаеров. Длинная представительского класса машина ждала их с уже прогретыми двигателями. Стоило Вильяму сесть внутрь, как крышку с котла наконец сорвало. Он в злости швырнул фуражку в дальний конец салона.

– Паршивый ублюдок.

– Вам нужно быть поспокойнее, Вильям, – сказал его компаньон, садясь в машину следом и позволяя автоматике закрыть за собой дверь.

– Поспокойнее?! Вы видели, какое представление он устроил? Франциско не просто так перенёс нашу встречу на это время. Недомерок знал, что мы обязательно столкнёмся с верденцем. Он использует нас как чёртову палку, чтобы подтолкнуть верди в нужном ему направлении.

Его собеседник, одетый в строгий деловой костюм, расстегнул пиджак и достал из подлокотника планшет. Его серые глаза пробежали по поступившим сообщениям на экране, поднялись и остановились на молодом офицере.

– Капитан, сколь бы ни была неприятна эта ситуация, она вряд ли сможет повлиять на оперативную безопасность операции. Конечно, мне тоже не понравился трюк, который он провернул с нами, но в данном случае мы ничего не можем поделать.

– Их высокомерие бесит меня, – почти прошипел Форсетти. – И откуда уверенность в том, что оперативная безопасность не находится под угрозой?

– Потому, что я так сказал, капитан, – спокойно произнёс Луи Верль.

Его резкий тон прозвучал подобно опускающемуся на плаху лезвию гильотины. В салоне ненадолго повисла тишина, но гнев всё ещё полыхал в глазах молодого офицера. Вздыхнув, его собеседник отложил планшет и, закинув ногу на ногу, откинулся в кресле.

– Вильям, как я уже сказал, вам нужно привыкнуть к отношению этих людей и не обращать внимания на их высокомерие. СНП был основан в эру колонизации, поэтому на представителей государств, которые образовались после её завершения, они смотрят свысока, считая нас кем-то вроде детей, которые только-только начинают вылезать из своих песочниц. Их пренебрежительное отношение – это та плата за общение с ними.

– Но то, что он провернул перед нашим приходом...

– Лишь досадная неудача, – быстро закончил за него Верль. – Должен признать, что мне следовало заподозрить его в желании сделать нечто подобное, но, к сожалению, я не смог. Это моя ошибка, и я её признаю. Тем не менее для всех на планете я остаюсь лишь аккредитованным представителем торгового картеля Рейнского Протектората. Не более того. Вы же обычный служака флота, приставленный картелем к нам в качестве консультанта по безопасности грузоперевозок. Вся эта информация должным образом составлена и находится практически в свободном доступе, так что, если верди решат копать в этом направлении, они не обнаружат подвоха.

Лицо Вильяма скривилось, и он посмотрел на проносящийся за окном город.

– Закон Мёрфи, – через несколько секунд произнёс он.

Луи оторвался от сообщений на планшете и посмотрел на него.

– Что, простите?

– Старая поговорка... Если что-то может пойти не так, оно обязательно пойдёт не так.

Луи Верль проговорил фразу про себя, словно пробуя её на вкус, и кивнул капитану, признавая правдивость его слов.

– Весьма мудрые слова, капитан. Но всё же прошу вас мне поверить, что в данный момент опасности нет. По крайней мере на уровне проводимой нами операции. Я являюсь главой местной резидентуры уже четыре года и успел хорошо подготовиться к проведению нашей миссии. Кстати, как дела с ремонтом «Крестonosца»?

– Закончим в течение недели, плюс-минус пара дней. Практически все неполадки, которые можно было исправить здесь, люди Сергея отремонтируют. За исключением сенсорных систем. Нам нужна полная замена, и мы отправили курьера со списками необходимых запчастей. Должен сказать, что аспект материально-технического обеспечения меня... мягко говоря, разочаровывает. Нам обещали полное обеспечение и...

– К сожалению, наша местная база создавалась в спешке. Я понимаю ваше недовольство и то, что мы не способны обеспечить вас на должном уровне. Но прошу понять, что база «Турин» создавалась для поддержки разведывательных операций, а не боевых. До сих пор ей не приходилось принимать боевые корабли и заниматься их обслуживанием. Тем не менее я хочу заметить, что вы великолепно справились.

Форсетти фыркнул:

– Зато вы облажались. Вы гарантировали, что это будет корабль старого типа.

– Я думал, что капитаны флота должны быть готовы к неожиданностям. Разве нет? – в тон ему ответил Верль.

Вильям скрипнул от досады, но сдержался. Крыть ему было нечем. Как бы ему ни хотелось свалить вину на ошибку разведки, он не позволял себе это сделать, признавая свою вину. В конце концов, именно он является капитаном корабля и отвечает за принятые решения. Он должен был быть готовым к любым неожиданностям, но позволил разведывательной информации ввести себя в заблуждение. Из-за этой ошибки «Крестonosец» простоял в доке почти месяц. И во второй раз он такого не допустит.

Увидев перемену на лице его собеседника, Луи усмехнулся и чуть наклонился к нему:

– Послушайте, капитан. Я знаю, что наши ведомства не слишком ладят между собой, но тем не менее мы делаем здесь одно дело. Я понимаю, что в случившемся есть и наша вина и впредь постараюсь предоставлять вам более полные сведения. И когда мы продолжим рейды, вы будете получать настолько полные сведения, насколько мы сможем достать. А если же мы чего-то не будем знать, то так и скажем.

– Насчёт следующих рейдов... У меня по-прежнему есть вопрос касательно...

– Я знаю, но в данном вопросе контр-адмирал дал чёткие указания.

Форсетти сглотнул, что далось ему с трудом. Этот момент операции стоял у него косяком в горле.

– Они сдались, Луи. Когда их корабль разваливался на части, они передали, что сдаются. Верль лишь пожал плечами.

– В данном вопросе я согласен с контр-адмиралом Рабиновичем. Наша операция слишком важна, чтобы мы могли оставлять свидетелей. Его приказы были одобрены и не подлежат обсуждению. Я понимаю, что вам, возможно, было непросто их выполнить...

– Ни черта вы не понимаете! Спасательные капсулы, Луи. Одиннадцать спасательных капсул. Это больше сотни человек. Мы могли бы взять их на борт и доставить на «Турин».

Верль вздохнул.

– Поймите, капитан. Если о проводимой нами здесь акции станет известно, то это может стать поводом к началу войны между Протекторатом и Верденом. По крайней мере, к началу преждевременному. Да и прими вы их на борт, мы не смогли бы дать им статус военнопленных. Эти люди попросту бы исчезли, в лучшем случае попав в лагерь, из которых им бы уже не довелось выйти живыми. Как мне кажется, вы поступили более милосердно.

Милосердно... Это слово вызвало у Форсетти приступ отвращения, и он с трудом удержал себя, чтобы не высказаться в ответ. Он прекрасно помнил тот момент, когда стоял на мостике. Наблюдал за тем, как его ракеты рвали эсминцы верди на части. А ещё он помнил сообщения с просьбами о прекращении огня, передаваемые по открытой частоте. Его офицерам РЭБ с лёгкостью удалось заглушить эти мольбы. Но тем не менее побеждённые продолжали передавать их, надеясь на то, что их услышат. Что их перестанут убивать. Они просили остановить бой даже тогда, когда с его корабля к каждой капсуле стартовали ракеты, снаряжённые термоядерными боеголовками. Одна за одной капсулы сгорали в пламени ядерных взрывов, пока не исчезли все до единой, а из динамиков продолжали звучать слова мертвецов. В тот момент Форсетти почти был готов пойти наперекор приказам и подобрать их. Но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.